

СЕРГЕЙ РАТКЕВИЧ

ПОСОХ
ЗАКАТА

Сергей Раткевич

Посох Заката

Серия «Два цвета вечности», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122951
ISBN 5-289-02450-6

Аннотация

Нищий? Менестрель? Маг? Чудовище? Курт и сам не знает, кто он такой. А ведь это так нужно знать в недоброе время, когда королевство Рон, власть над которым захватил магический Орден Черных Башен, ведет войну ради возрождения зловещей древней империи. Судьба вручает Курту посох мага, а неведомое пророчество призывает его сквозь все опасности войны в Джанхар...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Сергей Раткевич

Посох Заката

Пролог

Казнен на рассвете

В дверь постучали. С раздражением отбросив кисть, художник обернулся на звук. Встал.

– Что, кому-то не терпится навестить несчастного, измученного угрызениями совести узника? – ядовитым голосом поинтересовался он, подходя к двери.

– Не притворяйся, Эстен Джальн! – донеслось из-за двери. – Никакие угрызения совести тебя не мучают! Для того, чтоб появились угрызения, совесть нужна. Вот обзаведись ею, а тогда уж... А кроме того – ты не узник и никогда им не станешь. Отопри лучше. Я должен огласить приговор.

– Приговор? – изумился Эстен Джальн. – Какой еще приговор?

Дверь распахнулась. Вошедший с ног до головы был одет в черное. В руках – боевой магический жезл. На лице – черная полумаска. Вокруг него – сияние магической защиты.

– Ты все такой же трус, Ксаул, – пренебрежительно поморщился Эстен Джальн. – Зачем тебе такой мощный жезл? Ме-

ня же лишили всего. Осталось только личное могущество.

– Я не люблю неприятностей, – ответил вошедший. – Не сбивай меня. Я обязан исполнить повеление Его Милости, господина Архимага.

– А ты уже наладился чесать ему пятки, да? – ехидно поинтересовался художник.

– Ты не вправе оскорблять меня! – гордо заявил вошедший.

– Да что ты говоришь?! – изумленно воскликнул Эстен Джальн. – Тебя повысили в ранге? Ввели в Малый Круг? Карай меня Черные Боги, неужто я оскорбил равного?! Дуэль между нами... она неизбежна? Ты знаешь Ксаул, скажу по секрету, я страшно боюсь дуэлей. Может быть, просто, как в детстве, набьем друг другу морды... и все, а?

– Меня не повысили в ранге, – зло блеснув глазами, ответил вошедший. – Я все еще Старший Магистр. И я пришел сюда, дабы исполнить официальное поручение.

– Прости, Ксаул, я все забываю. Ты же у нас теперь весь такой деловой... – усмехнулся Эстен Джальн. – Ты что-то там бормотал о приговоре? Какой еще приговор? Тебе ненароком не напекло голову? Или это чесание Архимаговых пяток так пагубно действует на твои умственные способности? Какой может быть приговор – до суда?!

– А суд уже был, Эстен! – злорадно ухмыльнулся Старший Магистр Ксаул. – И если бы ты не перебивал меня глупыми дерзостями, ты уже сейчас знал бы свою судьбу!

– То есть... как это... был?!.. – почти онемев от гнева, одними губами прошелестел Эстен Джальн.

– А вот так это – был! – торжествующе улыбнулся Старший Магистр Ксаул. – И тебя приговорили. Можешь быть уверен.

– Они... они посмели... отказать мне... в Праве Присутствия?! – сквозь стиснутое судорогой ярости горло слова проталкивались с трудом.

– Архимаг хотел призвать тебя, – как бы между прочим сообщил Ксаул. – Но я – отсоветовал.

Эстен Джальн дрогнул. В глазах зажглись ненависть и понимание.

– Когда ты сочинял свой заговор и плел заклятие против Его Милости, господина Архимага, ты никого не приглашал. Орден имеет право забыть того, кто забыл об Ордене, – добавил Ксаул.

– Орден не имеет такого права! – Ярость прорвалась наружу. – Не имеет! Так можно осудить только ученика, да и то не за всякий проступок. Даже обыкновенного мага *так* не судят! Даже рядового Магистра!

– А ты – Великий... магистр, – подсказал Ксаул. – Точнее, был... великим. Малый Круг лишил тебя всех званий и привилегий, вплоть до ученических! Ты теперь – ученик, Эстен Джальн. И я могу выпороть тебя. Или использовать для иных каких утех.

– Я никогда не признаю этого! – прорычал Эстен Джальн.

– Факты важней, чем их истолкование, не так ли, Эсти? – нарочито дружелюбным голосом поинтересовался Ксаул. – Не ты ли сам учил меня этому? Ну, вспомни же – когда мы еще были детьми... Ты, конечно, во всем был первым... был...

– Был... – хрипло выдохнул Эстен Джальн. – Но ты меня все равно не догонишь. Никогда.

Комнату затопило молчание, тяжелое, словно мертвая вода.

– Ну?! Так ты хочешь узнать свой приговор, ученик Джальн?! – внезапно заорал Ксаул, перепуганный этим молчанием даже больше, чем необходимостью находиться здесь наедине с Джальном, безо всякой охраны. Собственный крик, казалось, приободрил его, а Джальна позабавил. Слегка.

– Валяй... сообщай... – усмехнулся Эстен Джальн. – Вряд ли меня ждет что-то меньшее, чем казнь через распыление...

– Ты будешь подвергнут казни через распыление личности, догадливый ученик Джальн, – довольным тоном сообщил Старший Магистр Ксаул. – Тебя казнят завтра. На рассвете.

– Как... на рассвете... – Эстен Джальн уставил на собеседника ошарашенные, неверящие глаза. – Ты лжешь, Ксаул! Так просто не бывает! Так даже учеников не казнят.

– На рассвете, – повторил Ксаул. Ему было трудно сохранять достойный вид и важную осанку: очень уж хотелось пу-

ститесь в пляс.

– Я что – первый такой... – Эстен Джальн тяжело помотал головой. – Что, никогда покушений и заговоров не было? Ведь были... И всех казнили, как положено – на закате. Всех на закате казнили... – повторил он. – Я – черный маг, в конце концов... Никто не может лишить меня права умереть на закате. Право Заката – священно! Иди и передай им... Я – согласен хоть сегодня!

– Я ничего им не передам, Эсти... – улыбка Ксаула была такой торжествующе-недоброй, что Эстен Джальн все понял.

– Это ты подстроил? – упавшим голосом спросил он.

Не отвечая, продолжая улыбаться, Ксаул кивнул.

– Но... Право Заката священно, даже если казнят только что принятого в Орден ученика, – почти робко произнес Джальн. – Нарушая законы нашего Ордена...

– А покушение на Архимага – это не нарушение Закона? – вопросом на вопрос ответил Ксаул. – Такие, как ты, сами нарушая Закон, всегда надеются, что с ними то поступят согласно Закону. Мы решили изменить это прискорбное положение вещей.

– Мы?

– Ну, разумеется. Его Милость, господин Архимаг, как всегда, выдал гениальную идею и приказал мне заняться ее воплощением. Я немного поработал, и в результате в Уставе и Законе нашего Ордена появились небольшие такие исключения. Так сказать, Правила Для Особых Случаев. Вот как

сейчас, например.

– Ясно, – помрачнев, заметил Эстен Джальн. – А я вам нужен для показательного примера.

– Ты догадлив, – сообщил Ксаул. – И... сделай одолжение – не пытайся бежать. Все равно не выйдет, а я в таком разе придумаю для тебя что-нибудь похуже казни на рассвете...

Дверь со стуком захлопнулась.

Еще мгновение Эстен Джальн стоял, онемев от горя и гнева, невидящими глазами глядя в пустоту перед собой, и только пальцы его бессмысленно двигались, плетя бессильные заклинания. Магии в этих движениях уже не было. Когда множество магов хотят лишить силы кого-то одного – это у них обычно получается.

Бежать? Немыслимо... Черные Стражи стерегут стены. Черные Стражи смотрят с Башен. Даже в его собственной Башне полно Черных Стражей. Комната – вот все, что ему оставили. Комната и смешная свобода запереть дверь. Куда тут убежишь?

Черные Стражи – слабенькие, в сущности, маги. В Черную Стражу идут ученики, неспособные к высшим разделам магии. Не слишком талантливые или не отличающиеся особым рвением, они довольствуются высоким жалованьем и прочным положением Черной Стражи. Какие бы бури не потрясали Орден, а Черные Стражи нужны всем.

Черные Стражи... подумать только! Еще вчера он не за-

мечал их. Такие, как они, просто не принимались в расчет. Никто из них не мог сравниться с ним в силе. Теперь силу отобрали. Теперь любой из них... любой сопляк, мальчишка...

Когда множество магов хотят лишить силы кого-то одного – это у них обычно получается.

– Заката мне пожалели! – внезапно встряхнувшись, рявкнул Эстен Джальн. – Ну, я ж вам закачу!

Лишить мага совсем уж всей силы – дело хлопотное, если не невозможное. Какие-то крохи всегда остаются. Недостаточно для чего-то серьезного. Это с их точки зрения – недостаточно! А он... он что-нибудь придумает! Обязательно придумает!

– Я вам устрою Закат! – бормотал художник, орудуя кистями.

Забавный шарж на Архимага приобретал некие зловещие черты. На заднем фоне и впрямь запламенел закат. Художник начертил несколько почти незаметных иероглифов в углу картины.

– Вот так, – пробормотал он. – Остальное сделает огонь.

Багровая туча набежала на иероглифы, и они окончательно скрылись из виду.

– А теперь займемся пейзажем, – мурлыкнул художник. – Что за отвратительная для черного мага идея – умереть на рассвете! Мне она ни в коем случае не нравится.

Умиравший на закате черный маг имеет неплохие шансы

на посмертное существование. Умирающий на рассвете не имеет никаких шансов. Он просто тает как дым.

Мазок. Еще мазок. Художник рисовал картину прямо на стене своего кабинета. Широкими, сильными, уверенными движениями.

– Это им нужна сила... – продолжал он. – Много силы нужно. Даже чтоб ширинку на штанах застегнуть, нужна громадная сила, если ты сам по себе – никто и ничего не умеешь. А если что-то уметь, тогда и щепоти, крошки хватит. Должно хватить. Должно.

Когда на рассвете весь Малый Круг Великих Магистров в полном составе явился, дабы предать казни своего бывшего члена, повинного в заговоре против Ордена, покушении на Архимага, а так же в том, что он никогда не нравился Старшему Магистру Ксаулу, разжалованный в ученики Эстен Джальн встретил их легкой рассеянной улыбкой.

– Я должен просить у Вас прощения, Ваши Милости, – негромко сказал он. – У меня возникли неотложные дела, в силу чего у меня нет времени поприсутствовать на церемонии собственной казни. Думаю, Старший Магистр Ксаул окажется мне достойной заменой!

С этими словами он быстро шагнул внутрь нарисованного им на стене пейзажа. Нарисованная река на миг стала реальной, Эстен Джальн оказался в лодке, взмахнул веслом... еще миг – и лодка уплыла вниз по течению. Скрылась за по-

воротом.

– За ним! – дружно завопили Великие Магистры, но картина уже вновь стала картиной и никто из них не смог последовать за Джальном. Никто из них не был художником, а одной силы оказалось недостаточно.

– Как – сбежал? – взбешенно заорал Архимаг. – Куда? Почему не задержали?!

Выяснив причину, он с минуту возмущенно дышал, потом объявил:

– Картину – уничтожить. Чтоб обратно не выбрался. Мерзавец. А вам!.. – он гневно обернулся к притихшим членам Малого Круга Великих Магистров. – Вам... вот что... немедленно выписать самолучшего учителя рисования! И чтоб через год у меня – все художники сделались! А не то я вас всех казню! На рассвете... – с нежной улыбкой закончил он, и Великие Магистры Ордена Черных Башен содрогнулись от ужаса и даже вострепетали.

– Старший Магистр Ксаул! – позвал Архимаг.

– Да, Ваша Милость? – отрываясь от деловой корреспонденции ордена, отозвался Ксаул.

– Обыщи башню этого изменника! – распорядился Архимаг. – Составь опись и прочее, как полагается. Не мне тебя учить.

– Разрешите дать совет, Ваша Милость, – смиренно обратился к Архимагу Старший Магистр Ксаул.

– Разрешаю. Не стесняйся, – подбодрил его Архимаг. – Твои советы принесли Ордену немало пользы.

– Вы его казнили, этого изменника, – тихо сказал Ксаул. – Сегодня. На рассвете.

– Не понял? – удивился Архимаг. – Он же сбежал!

– Вот именно! – кивнул Ксаул. – Сбежал. И обратно не вернется. Особенно если уничтожить картину. А нам нужен прецедент. Нужен, понимаете? Поэтому мы его казнили. На рассвете. Остальное – тайна! Для всех, кроме Вашей Милости и Малого Круга.

Архимаг с удивлением посмотрел на Старшего Магистра Ксаула и вдруг расхохотался.

– Ах ты, мерзавец! Для всех, кроме меня и Малого Круга?! А тебя, значит, казнить, дабы не разгласил?! Или повесить?! Казнить я тебя не могу – полезен слишком. Значит – повесить?! Ладно, Ксаул, будешь Великим Магистром, хоть и мелкая ты сошка. Надо же кем-то заполнить освободившуюся вакансию. Иди покуда, разгребай сор за своим дружкой. Закончишь – повысим. А вы, – обернулся он к остальным, – запомните накрепко! Ученик Эстен Джальн, бывший Великий Магистр Ордена Черных Башен, бывший член Малого Круга, за многочисленные преступления перед Орде́ном казнен сегодня вами через распыление личности. Казнен на рассвете...

Старший Магистр Ксаул лично уничтожил карти-

ну-дверь. Ту самую, которую его гениальный, ненавидимый, любимый враг – враг, которым он не мог не восхищаться, враг, которого он называл другом, – нарисовал на стене в ночь перед казнью. Старший Магистр Ксаул не сделал другого – он не уничтожил прочих творений Эстена Джальна. Мало того, часть из них он даже присвоил. С ведома Архимага, разумеется. В конце концов, тому, кто готов трудиться с зари до зари, кто дает такие дельные советы, кто разгреб все это джальновское барахло, что-то ведь полагается, верно?

Поэтому, когда Великий Магистр Ксаул – теперь наконец-то уже Великий! – обосновался в своей новенькой, с иголочки, Башне, его дальнейшую жизнь и службу Ордену Черных Башен украшали гениальные творения его друга, мятежного магистра Эстена Джальна.

Среди всех этих многочисленных шедевров, коими владелец по праву гордился, был один шедевр сомнительный. Хуже того – вовсе неучтенный. Вот им господин Великий Магистр ни перед кем не гордился. Наоборот, тщательно скрывал его существование. Это была тайна для него одного. Великий Магистр Ксаул сохранил тот шарж на Архимага, который его гениальный приятель рисовал просто так, а дорисовывал – снедаемый чувством мести. Великий Магистр Ксаул не забыл и не простил Архимагу «мелкую сошку». Он и вообще никому ничего не забывал и не прощал. У него просто не было органов, ответственных за это умение. Втайне от всех он любил разглядывать карикатуру, потешаясь над Его

Милостью господином Архимагом. Он даже представить себе не мог, чем это все кончится.

Великие Черные Маги тоже иногда женятся. Среди своих, конечно. Феи, гурии и прочие гаремы, разумеется не в счет. Этого добра и у магичек навалом. Но равные женятся на равных. Великий Магистр Ксаул искал – и нашел – супругу, во всем подобную себе. Правду сказать, она была сущая ведьма. Именно это его в ней и привлекало. Привлекало, привлекало и наконец привлекло. И в назначенное время у нашего Великого Магистра родился сын. Наследник, так сказать. Черные маги и вообще существа злобные и веселые, так что и сынок у Великого Магистра вышел злющий, да еще и хохочет с утра до ночи. И занимается, подлец, живописью. А уж одарен-то! И такая магия ему дается, и сякая. Всякая.

– Весь в тебя, – говорили Ксаулу знакомые маги.

И он гордо кивал, втихомолку зеленея от злости. Очень уж его сын был похож на Джальна. Не лицом, конечно, а чем-то таким, о чем Великий Магистр не имел никакого представления. А уж как его сынок на эти проклятые картины тарашится! И дернули же его Темные Боги спросить, гордится ли его сын тем, что у них в Башне такое редкое собрание картин. Нет, ответил юный стервец, совершенно не гордится. Он, видите ли, и вообще не хотел бы их иметь, ему хотелось бы хоть одну такую написать. А как при этом на картины косился! Врезал Ксаул ему тогда по первое число – а что толку!

Дальше – больше. Воспитывал щенка, воспитывал, а вырос все равно крокодил какой-то! Никакого почтения от него не добьешься даже самой увесистой дубиной. Ну никаких отцовских ожиданий не оправдывает. Ни тех, ни этих, ни прочих. Змей не жрет, девственниц не пытается, ну вообще ничему не учится! А самое главное – отца не уважает. И ведь как старался Великий Магистр Ксаул вбить в своего наследника эти похвальные качества! И так старался, и этак старался...

Ни один ученик не получал столько наказаний высокой степени тяжести, сколько родной сын. Не будь он с рождения таким хорошим магом – нипочем бы не выжил! Наказывал Магистр, наказывал – и донаказывался. Любое воспитание должно иметь какие-то пределы. Сынок взбунтовался против отца – и кончилось это тем, чем кончилось.

– Ну же, папочка, я тебе устрою! – бормотал истерзанный магией мальчишка, роясь в отцовском кабинете. – Пока там гурии твои поганые уши тебе полируют, я тут у тебя разомнусь маленько!

Попавшиеся под руку драгоценные магические причиндалы летели на пол. Секретные бумаги рвались в клочья и заливались чернилами. Талантливый мальчишка с легкостью отводил защитные чары и продолжал разносить кабинет в клочья.

– Ага! – яростно возопил он, выхватывая из взломанного отцовского сейфа нечто, окруженное завесой мрака.

Движение руки – и мрак рассеялся. Смертоносные мол-

нии отброшены небрежным жестом.

– Так вот где папочка хранит эту гадость! Этот мерзкий шедевр дурновкусия! И впрямь похоже на Архимага. Вот эту дрянь я непременно сожгу! Непременно! Причем там, где она была создана! В той самой заброшенной башне!

Кто знает, что случилось бы, если б мальчишка предпочел какой-нибудь другой объект для выражения своей мести... Багровое облако на картине продолжило свой путь и те, едва заметные иероглифы, все более отчетливо проступали на фоне пламенеющего заката.

«Заката мне пожалели?!»

В один магический шаг мальчишка оказался в башне Эстена Джальна, а вызывать огонь он научился раньше, чем ходить. Рисунок вспыхнул и сгорел синим пламенем. Сгорел в единый миг, а на его месте...

На месте рисунка стоял Архимаг. Не такой, как на самом деле, а такой, каким был нарисован. Вот только он больше не был нарисованным. Вокруг него багрово мерцал закат. Мерцал, постепенно вытекая из Башни, заполняя собой все.

Когда в магическом Ордене посреди бела дня наступает закат, это никого особо не волнует: мало ли – работает кто-то...

– Я – Архимаг, – сообщил Архимаг с картины.

– А я – нет... – зачем-то пробормотал мальчишка. Неуемную злость на отца сменил ужас. Ужас от осознания содеянного. Он только что выпустил из картины запертое в ней чу-

довище, и неизвестно теперь, чем это кончится.

– Это правильно, – милостиво кивнул Архимаг. – Двух Архимагов не бывает. Как называется мой Орден?

– А какой орден – Ваш? – прыгающими губами спросил мальчишка.

– Ну, разумеется – этот! – раздраженно заметил Архимаг. – А разве здесь есть еще какой-нибудь? Так как он называется?

– Орден Черных Башен... – выдохнул мальчишка.

– Черных Башен? – переспросил Архимаг. – Постараюсь запомнить.

– Но... в нашем Ордене уже есть Архимаг! – несчастным голосом сообщил мальчишка.

– Когда я слышу чушь, я начинаю гневаться! – заявила ожившая карикатура. – Я же сказал тебе, что двух Архимагов не бывает!

– Но... я его видел! – выдавил из себя мальчишка, не понимая, что это с ним делается, почему он не может заткнуться, ведь его сейчас... страшно даже подумать, *что* с ним сейчас сделают!

– Хорошо. Проводи меня к своему... Архимагу... – плотоядно улыбнулось сошедшее с картины чудовище. – Я собираюсь с ним побеседовать.

И в этот миг в башню ворвался Великий Магистр Ксаул. Он уже побывал в своем кабинете и был неописуемо зол. В руках у него был боевой жезл и, судя по всему, он собирался

попросту уничтожить своего сына. Ему не повезло. Нарисованный Архимаг уничтожил его самого. Одним движением нарисованной руки.

– По моему Ордену нельзя бегать с оружием без видимой причины, – с неудовольствием заметил он. Мальчишка онемело тряс головой, тщетно пытаясь проснуться.

– Веди меня, я жду! – с напором повторило чудище.

С ужасом поглядев на то, что осталось от его отца, мальчишка втянул голову в плечи и шагнул к тому, что именовало себя Архимагом Ордена Черных Башен. Для этого потребовалось переступить через пепел отца – и мальчишка сделал это. Сделал, потому что очень боялся стать пеплом сам... а может, просто потому что был сыном своего отца, пусть и непохожим. Переступивший через пепел отца, онемевший от ужаса мальчишка повел чудовище туда, где, как он знал, сейчас находится Архимаг.

Резкий рывок за руку...

Мальчишке показалось, что его вырвали из него самого. Ну да! Точно! Вот же он идет! Он самый. Идет. Архимага ведет.

– Это иллюзия, – сказал ему кто-то рядом. Кто-то, кто рванул его за руку. – Одна иллюзия ведет другую. Там сейчас будет очень весело!

Мальчишка обернулся и посмотрел на того, кто все еще держал его за руку. На человека, чей автопортрет он так часто рассматривал у себя в башне. На Эстена Джальна.

– Вы... – только и сумел ошарашено выдавить мальчишка.

– У тебя, кажется, возникли претензии к моей живописи? – с мягкой усмешкой поинтересовался Эстен Джальн. – Пойдем, обсудим.

– Так ведь... помешают... – почти счастливым голосом выдавил мальчишка. Об отце он уже и думать забыл... да и то сказать – кто будет долго думать о человеке, который ни о ком, кроме себя, никогда не думал.

– Не помешают! – рассмеялся Эстен. – У них там сейчас начнется смена власти!

– Все равно кто-нибудь прибежит! – хмуро буркнул мальчишка. – Да хоть мамочка моя, сожри ее Светлые Боги!

– Любишь ты ее, как я погляжу, – покачал головой Эстен.

– Есть за что...

– Верю, – качнул головой художник. – Но это все равно. Никто за нами не придет, потому что мы уходим. Совсем уходим. И туда за нами никто не последует. Это мы сможем вернуться. Когда сами этого захотим. И если захотим.

– Это туда, куда ты сбежал?! – спросил мальчишка. Восхищение в его голосе перехлестывало за опасный предел. – Ты покажешь мне свой мир, да?!

– Надо же нам где-то побеседовать, – сказал художник. – Безо всех этих докучливых Великих Магистров и прочих идиотов. Я надеюсь, ты не против? Кстати, откуда ты узнал про мой побег?

– Во сне приснилось, – пожал плечами мальчишка.

– Да? – рассеянно удивился художник. – Я почему-то так и подумал...

Картина, которой не было, распахнулась перед ними и вновь сомкнулась за их спинами. И ничего. Только оплавленная убиенным Великим Магистром Ксаулом стена башни – стена, с которой он так старательно стирал проклятую картину, стирал, да так и не смог стереть. И только голоса – точнее, отзвуки голосов – еще звучали в опустевшей башне...

– Если сравнивать колорит...

– Да при чем здесь колорит?! Главное – перспектива!

– Да какая там перспектива? Все перспективы в этом ордене – дерьмо!

– Забудь об ордене, малыш. Мы никогда туда не вернемся!

Как и предсказывал Эстен Джальн, в обителище Архимага было весело. Веселье, правда, получалось своеобразное. На любителя. Да вдобавок и недолгое.

Нарисованный Архимаг, ведомый призраком мальчишки, вступил в святая святых – личный кабинет Архимага Ордена Черных Башен. Сидевший за столом и работавший с какими-то бумагами Архимаг поднял глаза.

На него смотрела мерзкая рожа, и что хуже всего – его собственная.

Перетрудился, озабоченно подумал Архимаг. Вот ведь до чего дошел – сам себе мерещится начал.

– Я – Архимаг! – сообщила рожа.

Наипростейший способ изгнать привидение – плюнуть на него. Архимаг так и сделал. Привидение не исчезло.

– Я – Архимаг, – повторило оно. – На Архимага нельзя плевать.

Вот тут уже Архимаг осознал серьезность происходящего и призвал на помощь все свои магические силы. Собрал их в единый кулак – и ударил. Такой удар свалил бы с ног даже Великого Магистра. Даже сам Архимаг вряд ли устоял бы на ногах, попади он под такой удар. Однако существо оказалось абсолютно неуязвимым. Казалось, оно и вовсе не замечает атаки. Оно не сражалось, не выставляло щита, не призывало демонов, не извлекало из воздуха волшебный меч – оно просто медленно наступало. Наступало, надвигалось, приближалось... Спокойно и неотвратимо. Призывать на помощь кого-то из магов охраны было уже поздно – да и кто из них сможет защитить Архимага от него самого?! Кто из них вообще разберется, с кем следует сражаться?!

Архимаг попытался воспользоваться аварийным магическим порталом, но тот отчего-то не сработал. Видимо, в нем произошла незапланированная авария. Чудовищная карикатура надвинулась, заслоняя собой мир, ее окружал багровый закат...

Закат?..

Архимаг вдруг увидел себя до половины словно бы в картине, увидел и подпись, сделанную такой знакомой рукой, такие характерные мазки...

– Эстен! – простонал он.

– Заката мне пожалел! – отозвался неведомый голос из глубиндвигающейся картины.

Архимаг попытался отодвинуться – он уже понял, кто ему мстит, и почти нашел способ, почти нашел выход, почти...

– У Ордена может быть только один Архимаг! – сообщила карикатура, касаясь Архимага своим зыбким, переменчивым телом, почти полностью состоящим из колдовского огня...

– Помогите! – позабыв о достоинстве, жалобно пискнул Архимаг, но чудовище надвинулось и поглотило его, так что последние звуки прозвучали уже из недр чудовища. Стихия огня унялась. Теперь победитель выглядел почти как человек.

– Так где ты здесь видел другого Архимага? – поинтересовался новоиспеченный Архимаг Ордена Черных Башен, поворачиваясь к мальчишке – но того уже не было. Иллюзия распалась – ведь ее никто не поддерживал, она свою задачу выполнила.

– Странно, – пробормотал новый Архимаг. – Что же – я и его поглотил, что ли?! Поглотил и не заметил?! Плохо это. Что-то здесь не так... Спасибо тебе, мой неведомый создатель, за жизнь мою, но что-то ты задумал, а мне не дал знать. Я разберусь. Даже тебе не дано повелевать мной. И я не буду следовать чужим желаниям. У меня есть свои. Да. Свои.

Многие маги подметили странные и пугающие перемены, произошедшие с их Архимагом, но никто из них не догадался, что это и не Архимаг вовсе.

Хотя...

В подлинность нового Архимага поверили не все. Некоторые сомневались. Вот не похож стал на себя наш самый-самый главный маг, и все тут. Не похож. То есть похож, конечно, очень даже похож, ну просто вылитый, в двух шагах не отличишь, но... все равно не похож.

Правда, вслух о таком не говорили. Вслух о таком никогда не говорят. Больше по углам шептались. По углам о таком всегда шепчутся, даже если шептаться не о чем. Все равно шепчутся. А уж если есть о чем... тогда на таком шепоте дворец возвести можно, такой шепот, он прочней, чем гранитные скалы. Но ни слова вслух, тайна! В самом деле, не скажешь же самому-самому главному, что он – это вовсе не он, а кто-то совсем другой? Не скажешь. Даже во сне не скажешь. Потому что если он – это все-таки он – голову откусит и не поморщится! Ну, а если он – это все же не он – тем более откусит! И во сне, и наяву, и в любом другом состоянии. Так что те, которые догадывались – те помалкивали, да по углам шушукались. А потом перестали. И не просто перестали шушукаться. Они вообще перестали. Перестали быть. Исчезли. Кто знает – куда? Кому это интересно? В такие вещи лучше носа не совать. Потому как те, которые совали, вместе с носом потеряли голову, а также все остальные части тела...

Бесшумной тенью рыская по собственному Ордену, Архимаг без страха и сожаления поглотил всех, кто сомневался в его личности. Ни один из них не сумел ему противостоять, а кто и сумел бы – так не решился. Когда твой противник вместо того, чтоб защищаться, раздумывает, ты это или не ты – с таким легко бороться.

С одним только врагом Архимаг не справился. Зикер Барла Толлен. Старейший маг в Ордене. Участвовал в его основании. Герой древних битв. Легенда. Такого нужно было поглотить во что бы то ни стало... да вот не вышло. У него и башня-то вся такая невзрачная, и караульные демоны насквозь пьяные – а только не так все было, как оно издали показалось...

Сунулся было Архимаг в башню – а демоны его бутылками пустыми закидали. Больно. Шарахнул он по ним всей своей силой, да промахнулся. Бросился в атаку – опять промахнулся. Да не просто промахнулся – заблудился. До вечера блуждал, пока свою собственную башню нашел. И ведь никого же не спросишь ни о чем. Кто поверит, что Архимаг забыл, где его башня находится? Опять по углам шептаться начнут. Снова, значит, шептунов поглощать? Так и одному остаться недолго. Какой же он тогда Архимаг? Было еще что-то, что удерживало его от дальнейших поглощений. Думая о них, он теперь испытывал некий смутный ужас, словно они могли грозить ему самому.

И тогда порешил Архимаг Зикера этого к себе вызвать.

Не посмеет ведь не прийти. Дисциплина есть дисциплина. Орден все же. А не придет, так и послать за ним можно. Разных подручных магов вокруг – хоть посохом колоти. Придет. Как миленький, придет. А тут уж мы его и... Такого нужно поглотить. Необходимо. Слишком опасен, чтобы оставаться в живых...

Дверь распахнули без стука. Архимаг поднял голову и увидел своего врага. Невысокий худой старик в мягком сером плаще смотрел на него яркими пронзительными глазами.

– Я помню другого человека на этом месте, – сказал Зикер Барла Толлен.

– Я всегда здесь был, – ответил Архимаг.

– Значит у тебя память хуже, чем у меня, – пожал плечами Зикер.

– Я гораздо сильнее. Моя сила должна вызывать у тебя страх, – поведал Архимаг.

– Сила, не снабженная мозгами, всегда внушает страх, но страх не заставит меня молчать! – ответил Зикер.

– Тот, кого не помню я, но помнишь ты, молчит – будешь молчать и ты, когда я поглосу тебя! – пригрозил Архимаг.

– Не выйдет! – усмехнулся Зикер. – Я принял яд.

– И ты еще жив? – удивился Архимаг. – Значит, есть какое-то противоядие. Я его найду, приму, а потом поглосу тебя.

– Противоядием является наличие мозгов, – злорадно

улыбнулся Зикер. – У меня они есть – и я жив. А ты мной отравишься. Насмерть.

– Ты хочешь сказать, у меня нет мозгов? – уточнил Архимаг.

– На человека с мозгами ты не похож, – заявил Зикер. – Впрочем, ты и вообще на человека не похож. Хотел бы я знать, что ты такое...

– Хочу мозги! – капризно потребовал Архимаг. – Достань мне мозги, и я не стану тебя поглощать.

– Достать тебе мозги... – задумчиво пробормотал Зикер.

– Достать, – тоном приказа повторил Архимаг. – И молчать про все остальное.

– А что я буду иметь взамен? – поинтересовался Зикер.

– А что тебе нужно? – вопросом на вопрос ответил Архимаг.

– Даже так? – удивился Зикер.

– Даже так, – сказал Архимаг.

– Я подумаю, – проговорил Зикер.

– Подумай, – кивнул Архимаг. – А мне – мозги...

– Обеспечим, – вздохнул Зикер, с ужасом понимая, что ведь придется. Кем бы ни было это неведомое существо, но у него нет разума. Есть лишь нечто, отдаленно его напоминающее. Оно не разумно, оно всего лишь притворяется разумным. Однако сила его такова, что с ним не справится даже десяток таких, как Зикер. А значит, придется с ним смириться. Хотя бы временно. И мозги организовать придется.

Потому что если эту карикатуру на мага не снабдить мозгами – последствия могут быть самыми чудовищными.

– Только ты учти, что мозги – не борода. За неделю не отрастают. И даже потом, когда отрастут, их еще учить и воспитывать нужно, – предупредил Зикер на всякий случай – а то ведь с этого безмозглого станется и в самом деле обидеться и через недельку-другую если не сожрать, так просто испепелить.

– И все же где-то я его видел, – сам себе сказал Зикер, выйдя от Архимага. – Что-то знакомое... вот только где? Он, конечно, похож на бывшего... нелепое, карикатурное сходство... Стоп! Карикатурное. Вот оно! Карикатурное. Если бы кто-нибудь нарисовал карикатуру на бывшего Архимага... И этот кто-то – не кто иной, как Эстен Джальн! Его почерк. Его стиль. Его рук дело. И какое! Создать тварь такой потрясающей силы. Что ж – браво, Эстен! И ведь я советовал им не связываться с тобой! Отпустить твои прегрешения, а потом и тебя самого из Ордена. Эх, никто стариков не слушает. А ведь стоило бы. Иногда это помогает дожить до старости. Здорово помогает. Значит – Эстен. Что ж, если так... многое становится понятным. Казненный художник ненавидел Архимага лютой ненавистью. Вот и создал перед смертью нечто, что ждало своего часа. Ждало и дождалось. Интересно, как это все происходило? И, главное, чего добивался Джальн? Зачем ему это рукотворное чудовище? Да еще и в

кресле Архимага... зачем? Или у меня воображение на старости лет разыгралось? Но... все эти исчезновения магов... запрет на любые расследования... А кроме того, он действительно кажется нарисованным. Однако если эти исчезновения не случайны, то...

Внезапно Зикер заметил, что говорит вслух. Не очень громко, но все же. Он замолчал, огляделся и додумал уже молчком. Тварь, настроенная на поглощение магов, скорее всего означала одно – Джальн собирался уничтожить Орден поголовно. Что-то произошло. Что-то, отменившее эти планы. Чудовищная машина разрушения застыла, не пройдя и половины дороги.

Поразмыслив, Зикер отправился в свою башню и выпил с демонами пару бутылок самогона. Немного побузил и уснул. Будить не велел. Храпел так, что аж башня дрожала...

...Храпеть и сотрясать башню было тяжело, но демоны старались. Хозяин просил. Для дела. Всю ночь старались.

Пройдя тайными, одному ему ведомыми ходами, Зикер оказался в башне казненного художника. Предстояло многое выяснить, и он не собирался терять времени...

...Когда все выяснилось, Зикер удивлялся только одному – как он не заметил этого раньше? Ну видно же! Любому – видно! Вот – неаккуратный, небрежный такой, мазок на носу, а на ухе лессировка не просохла... теперь уж и не просохнет никогда, сгоревшие картины не сохнут. Впрочем,

и не мокнут. Сгоревшие картины – вещь вполне неуничтожимая, уже хотя бы потому, что они и без того не существуют... Эх, да что там – делать-то теперь что?

Уничтожить чудовище, впитавшее стихию огня? Немыслимо. Мало того, что он поглотил всех, кого смог, и теперь владеет их силой, так у него еще и канал в огненную стихию. Открытый канал. В одиночку такое не перекроешь. И всем орденом – вряд ли. Это если остальные вообще поддержат. Даже если поверят. И даже те, что поверят – поддержат ли? Нет. Тут что-то другое нужно придумать. Раз нельзя уничтожить чудовище, быть может, стоит попробовать сделать из него человека? Ну хотя бы мага, если человека не выйдет. Он и сам что-то такое о себе понял. Не стал же жрать весь Орден подряд, хотя его создатель, бесспорно, именно на это и рассчитывал. Не стал. Не стал... значит, понял, что как всех сожрет – тут же ему и крышка. Потому как задачу свою он выполнит. Полностью выполнит. А ему жить охота. Нравится ему жить. Вот только он пока не совсем понимает, как это делается, и если ему помочь... очень противно, а придется. Убить его – все равно что пробку из парового котла не вовремя выбить. Разнесет к черту. Никакая магия не предохранит. От всех наших Башен одни щепки останутся. Или не щепки – камни? Черт его знает, что в таких случаях остается. Если вообще остается.

Зикер вздохнул. Неприятное решение было принято. Оставалось сжать зубы и приступить к его исполнению.

Аудиенции у Архимага Зикер добился легко. Видать, никто другой не догадался пообещать новоиспеченному Архимагу мозги. Или же просто больше никто не догадался, что у того они отсутствуют?

Когда Зикер Барла Толлен вошел в кабинет Архимага, тот увлеченно давил мух на подоконнике. Он был настолько поглощен этим захватывающим процессом, что попросту не заметил вошедшего. А когда заметил – испуганно отпрыгнул от окна и, смутившись, спрятал руки за спину. Зикер и бровью не повел, словно бы давить мух и впрямь достойное занятие. В самый раз для Архимагов.

– Ну?! – оправившись от смущения, требовательно поинтересовался Архимаг.

– Сегодня вечером, – понизив голос, таинственно сообщил Зикер.

– Что «сегодня вечером»? – спросил Архимаг.

– Сегодня вечером я добуду мозги и научу тебя ими пользоваться, – сказал Зикер. – Разумеется, я выставлю определенные условия.

– Буду ждать, – сказал Архимаг. – А теперь не мешай. Я занят важным делом.

Зикер чуть не рассмеялся, припомнив «важное дело» господина Архимага, но вовремя взял себя в руки, сдержанно поклонился и вышел. До вечера не так уж далеко.

Тому, кто совершенно не ведает, что такое мозги, можно

выдать за них все, что угодно. Тем более, что он ни у кого ни о чем не решится спросить. Разумеется, Зикер не соби-
рался доставать Архимагу настоящие мозги. Если честно, он
просто не умел приживлять реальные органы ожившим ка-
рикатурам. Да и никто этого не умел. По крайней мере, Зи-
кер не знал ни одного такого умельца. И даже не слышал о
таком. Зикер соби-рался как следует поколдовать над Архи-
магом – так, чтобы превратить его в осмысленное существо.
Это было возможно. По крайней мере, Зикеру казалось, что
это возможно. Более того, тогда ему казалось что это – наи-
лучший выход. Потому что если все пройдет как задумано,
он обретет контроль над этим чудовищем. Мозги ведь нужно
обучать, воспитывать. Сам Архимаг с такой задачей не спра-
вится – а он, Зикер, этак кстати окажется под рукой. Кому и
быть, как не ему? Кто еще понял так глубоко всю сущность
этого нарисованного чудовища? А там...

Выманить его за пределы Ордена, в какую-нибудь пустынь-
ную местность, отсечь от источника силы и убить. Если пове-
зет, еще и в живых останешься. А может, и вообще не стоит
его убивать? Если объяснить ему, что его жажда поглощения
чревата гибелью для него самого. Если обучить и воспитать
его. Такая фигура может быть очень полезна. Сильная фигу-
ра. Что греха таить, Зикер, конечно, старейший маг Ордена
и все такое. Один из лучших мастеров. Пожалуй, единствен-
ный ясновидящий – если не считать тех мальчишек, которым
кажется что они что-то видят... то видят, то не видят – что с

них взять? И это ему Великие Магистры уступают дорогу – они ему, а не наоборот! Но... силы-то уже не те...

Какой-нибудь юный нахал, шалопай и халтурщик, еще и первую мантию не износивший, шутя его на обе лопатки положит. Да... сила – она или есть, или нет ее... Не сегодня-завтра всем станет понятно, что Зикер Барла Толлен далеко не такой великий герой, как прежде.

А значит, такую фигуру, как ручной Архимаг, нипочем нельзя терять!

Подумать нужно.

Карманное чудовище – это хорошо. Очень.

Процесс внедрения «мозгов» прошел вполне безболезненно. Да и что, в самом деле, может болеть у карикатуры? У нарисованных магов есть и свои преимущества перед живыми. Правда, недостатков больше. Снабженный «мозгами» Архимаг и не заметил, как превратился в послушное орудие в руках опытного мастера. В единый миг Зикер вознесся на самую вершину.

Тайный контроль над Орденом гораздо мощнее, чем явный. А умный контроль – это всегда контроль незаметный. По крайней мере, заметный не для всех. Господам Великим Магистрам пришлось смириться с тем, что настырный старик, «которому давно пора проведать своих предков», вдруг занял такое важное место при Архимаге. Занял – и занял. Воля Архимага – закон для прочих, о чем тут говорить? А

что несогласные обзавелись дурной привычкой куда-то исчезать, все уже и так поняли. Зикер блаженствовал, выстраивая политику Ордена так, как ему давно хотелось. Великие Магистры, кланяясь, благодарили его за мудрые советы. А потом опять кланялись и снова благодарили.

Зикер блаженствовал недолго.

Однажды, привычным небрежным жестом распахнув дверь кабинета Архимага, Зикер вдруг столкнулся взглядом со своим ручным чудовищем.

Столкнулся – и замер.

У Архимага были совсем другие глаза. Умные и жестокие. А еще – улыбка. Улыбка, не предвещавшая ничего хорошего.

Глубоко вздохнув, Зикер сделал шаг и вошел. Дверь хлопнулась за ним, словно крышка гроба.

– Враг, – сказал Архимаг, глядя на Зикера ледяными, непрощающими глазами. – Хитрый.

– Не понимаю, – выдавил из себя Зикер, а ручейки холодного пота уже бежали у него по спине.

– Ты – понимаешь, – убежденно заявил Архимаг. – Ты все понимаешь.

Зикер молча глядел на Архимага. Вот сейчас. Сейчас. Бесполезно ведь сопротивляться. И на помощь никто не прибежит... Ненормальная муха монотонно билась в стекло. Ее омерзительное жужжание лезло в уши, мешало думать... Вот сейчас. *Сейчас.*

– Я не убью тебя, – вдруг сказал Архимаг. – Ты мне нужен.

Я буду делать с тобой то, что ты делал со мной.

– Я только помогал, – сказал Зикер.

– Ты меня использовал, – возразил Архимаг, и Зикер понял, что благословенное время ушло безвозвратно. *Этот* Архимаг и в самом деле соображал, что к чему. Но что с ним произошло? Кто потрудился над ним? Кого из тайных недоброжелателей подозревать в первую очередь?

– Теперь моя очередь использовать тебя, – добавил Архимаг.

– Слушаю и повинуюсь, – развел руками Зикер. Как бы узнать, чьих это рук дело?

– Правильно делаешь, – кивнул Архимаг.

– А как ты догадался? – спросил Зикер.

– О чем? – нахмурился Архимаг.

– О том, что я тебя использую. – Ну-ка – ответит, не ответит?

– Я поглотил демона, – сказал Архимаг. – Из тех, что в библиотеке. Того, который занимался логическими выводами. Теперь я сам могу... Я поглотил его не для силы. Для ума. Того, что ты мне дал, было недостаточно. Добыв недостающее, я понял, почему ты дал мне так мало. Так тебе было удобнее. Я много что понял. И, в частности, то, что ты – с моей помощью – пытался нанести Ордену вред.

– Вред? – возмущенно воскликнул Зикер.

– Вред, – решительно объявил Архимаг.

– Я старался упрочить наше существование, примирится

с соседями. Мне хотелось, чтобы все оценили выгоды своего пребывания поблизости от нас.

– Вот, – обвиняющим тоном сказал Архимаг. – Именно этим ты и занимался. Ты даже не скрываешь этого!

– Но... что же в этом плохого? – удивился Зикер.

– А то, что вместо всего этого нужно было готовиться к войне, – решительно брякнул Архимаг.

– К войне? – поразился Зикер. – А... с кем?

– Со всеми, – отрубил Архимаг. – Пришло время. Древняя Империя жаждет возрождения! Наша Империя! МОЯ!!!

– Кто тебе рассказал про Империю? – осторожно спросил Зикер.

– О ней помнил поглощенный мною демон, – ответил Архимаг.

– А кто посоветовал тебе поглотить именно этого демона? – еще осторожнее спросил Зикер.

– Тот недоразвитый мозг, который ты мне дал, – ответил Архимаг. – Сейчас я и сам удивляюсь, что его хватило на такую гениальную идею, но... так все и было, можешь поверить. Я не вижу смысла врать тому, кто настолько слабее меня. Так вот, я серьезно намерен возродить нашу древнюю Империю. Наш Великий Голор. МОЙ Голор!

– Боюсь, поглощение демонов пагубно сказывается не только на пищеварении, – вздохнул Зикер.

– Вздор! – рявкнул Архимаг. – Мое сознание в норме. Недавно я создал при своей особе Секретный Отдел.

«А мне – ни слова!» – мелькнуло в голове Зикера.

– И вот что они мне притащили, – продолжил Архимаг, потрясая перед носом Зикера выхваченным из-за пазухи пергаментом. – Вот! Смотри! Это – магическая копия «Великого Джанхарского Пророчества»! Читай!

Быстро пробежав глазами текст, Зикер поднял побледневшее лицо на Архимага.

– Когда произнесено пророчество? – спросил он.

– Вчера, – ответил Архимаг.

– Так, – сказал Зикер. – У тебя хорошая Секретная Служба, и... ты меня переиграл. Я сдаюсь. Приказывай.

Когда много лет спустя пьяный менестрель ввалился в широко распахнутые двери трактира «Тяжелые Кони», никто бы не сказал, что это заурядное событие как-то связано с той, уже успевшей стать древней, историей с магами Ордена Черных Башен. Орден, конечно, никуда не делся – но маги, как никто другой, умеют уходить в тень и становятся незаметными. Если им это нужно. Ну, в самом деле – какая связь между магами и менестрелями? Да и произошли эти события слишком далеко друг от друга. И во времени и в пространстве – далеко...

Лишь тот, кто видит таинственную вязь событий, тот, для кого нет важного и неважного, тот, для кого все случайности закономерны, а закономерности случайны, мог бы, наверное, узреть продолжение тех древних событий – такой же

почерк судьбы, ту же прямоту движений – в руке менестреля, решительно вцепившейся в трактирную стойку. Мог бы узреть – если бы задался подобной целью. Но, видно, он был чем-то занят. Поэтому никто не наблюдал этих событий. Разве что одно чудовище. В отличие от разных там рассеянных провидцев, чудовища всегда вовремя оказываются на месте. Они всегда видят то, что их интересует.

Тяжелое, темное, страшное, оно стояло в густой тени, и его мутные глаза сквозь ярко освещенное окно таращились на менестреля.

Не надо думать, что чудовище лично шлялось по всем интересующим его местам. Оно обитало и продолжало обитать в своем обиталище. И тем не менее ухитрялось присутствовать во плоти везде, где происходило что-либо для него интересное, не покидая собственного дома. На то оно и чудовище. У него и возможности чудовищные. Могут ведь боги быть вездесущими до назойливости? Могут. А почему чудовищу нельзя? Оно хоть и не бог никакой, а все-таки... и на счет того, что не бог... это как посмотреть...

Непроглядные глаза чудовища капля за каплей впитывали в себя каждое движение менестреля. Небрежные взмахи его рук. Заносчиво искривленные губы. Вот он широким и чуть театральным жестом швырнул на стойку пригоршню золотых монет. Прикрикнул на и без того заторопившегося хозяина. Плечом оттолкнул завсегдатая. Ведь нарывается, паршивец! Явно нарывается. Вот и столик он для себя от-

воевал. Не по хорошему отвоевал. Попросту взял и выгнал пару-тройку засидевшихся пьянчужек. Но пьянчужки были своими, а он – чужак. Приблуда. Как он вообще смеет?..

Сегодня на площади он пел так, что слезы сами покидали глаза, а золото – кошельки честных граждан. Так поэтому он, что ли, решил, что ему все можно? Ну нет уж! Ему уже заплатили за песни. Сполна. А за такое хамство и плата отдельная. Другой монетой.

С грохотом обрушившись на стул, менестрель потребовал вина. Он был уже мертвым, но еще не знал об этом. Живые часто не знают, что они уже мертвые. Ходят, говорят, пытаются что-то делать... Чудовище всегда удивляла эта особенность человеческих существ. Но эта смерть входила в его чудовищные планы. А раз покойный сам для себя старается – тем лучше. Нужно просто подождать. И даже не слишком долго.

Ну нельзя себя так вести в чужом месте. Так буянить можно там, где тебя уже все знают и связываться побоятся – или не захотят. А здесь ты – чужой. Совсем чужой. А значит – мертвый, потому что здесь тебя никто не боится. Никто ведь не знает, что лет десять назад ты был одним из лучших бойцов. Зато сам ты после второго кувшина вина забываешь, что эти десять лет уже миновали. А вот и вино! Как раз два кувшина. Бедолага, как же ты до сегодняшнего то дня дожил?

Запахавшийся хозяин аккуратно выставил на стол перед клиентом два полных кувшина лучшего вина...

Когда доньшко второго кувшина увидело свет, менестрель повторил заказ, подкрепив его энергичным ударом кулака по столу перед собой. Подпрыгнув, как мячик, перепуганный хозяин побежал исполнять приказ клиента, а менестрель с размаху шваркнул один из опустевших кувшинов в потолок, прямо над входной дверью. Осколки разбрызгом грянули во все стороны, посыпались вниз. Вниз, прямо на входящего в трактир человека. Менестрель не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Он с интересом рассматривал второй кувшин.

А зря не обратил.

Хотя бы потому что на вошедшем также был плащ менестреля. Кроме того, на груди вошедшего менестреля на тонкой золотой цепочке, мягко мерцал знак старшины гильдии уличных музыкантов.

Старшина стряхнул с себя остатки кувшина и, недобро усмехнувшись, шагнул к веселящемуся менестрелю. Вслед за ним в дверной проем споро шагнули четверо хмурых молодцов, чей внешний вид не оставлял никакого сомнения относительно рода их повседневных занятий. В руках они держали тяжелые железные палки – такой, при случае, меч сломать можно. Старшина Гильдии Уличных Музыкантов подошел к столу и, наклонившись к занятому созерцанием кувшина менестрелю, что-то проговорил.

– Налог?! Это я должен платить *вам* налог, кровососы драные?! – вскакивая, заорал менестрель.

Стол, за которым он сидел, перевернулся. Пустой кувшин упал и разбился. В руках менестреля сверкнул дорогой старинный кинжал.

Старшина Гильдии Уличных Музыкантов города Денгера испуганно отскочил, бормоча себе под нос разнообразные слова. Только половину из них можно было условно считать музыкальными терминами.

– Организуйте ему гастроль! – зло приказал он своим людям. – Долгую.

– Сделаем, хозяин, – ухмыльнулся один из четверки.

– С аккомпанементом или без? – деловито поинтересовался другой.

– Обязательно с аккомпанементом, – важно кивнул Старшина Гильдии Уличных Музыкантов города Денгера. – Такой великий бард имеет право на все находящиеся в вашем распоряжении почести. Но чтоб дышал, – добавил он, направляясь к выходу.

– Пусть только попробует не дышать, – обронил один из обломов, помахивая своей дубиной.

Покачиваясь от выпитого вина, бывший великий боец и все еще неплохой менестрель храбро шагнул навстречу тяжелым железным дубинам в молодых недобрых руках.

Дубины ударили разом. Он дважды увернулся, перепрыгнул стол, наотмашь полоснул кого-то из врагов по неосторожно отставленной руке, еще раз уклонился... он помнил такие бои, что этим молокососам и не снилось... у них нет

против него и тени шанса... вот сейчас... проклятье... почему его движения столь медленны... сейчас... сейчас... как гудит голова... и ноги... такие тяжелые... словно по колесу в киселе... и воздух... кажется, он забыл дышать... так трудно дышать... подлец хозяин, верно, отравил свое вино... черт, они совершают просто смехотворные ошибки, нет, ну вот кто так двигается? Ему бы хоть немного сил, и... Шаг. Поворот. Выпад. Отскок. Шаг. Еще шаг. Выпад...

Дубины ударили разом. И некуда было деться. Некуда, потому что кончился пол, а вместе с полом кончилась и вся земля. За миг до удара менестрель отбросил кинжал и отчаянно расхохотался. Расхохотался, потому что понял, как именно его сейчас будут убивать. Такая простая тактика, такая детская... Они ведь щенки перед ним, глупые слепые щенки, а он...

Дубины ударили разом.

Очнувшись, менестрель заметил, что он куда-то идет. Медленно, правда, но идет. А значит, жив. Ну, да! Его ж не велено было убивать, вот и не убили. Просто поучили маленько, чтоб вперед не зазнавался и почитал старших. Плащ разорван, правая рука висит набрякшей колодой – вероятно, сломана – голова раскалывается от боли... но он тем не менее куда-то идет... Куда?

Если бы он мог оглядеться по сторонам, он, вероятно, заметил бы некие смутные фигуры, что, перебегая от дома к дому, осторожно крались за ним – но имея такую больную

голову особенно не пооглядываешься. Притишилась боль, и ладно.

– Мне нужно добраться до гостиницы, – внезапно вспомнил он. – Сын. Я совсем забыл о сыне.

Но ему уже никуда не суждено было добраться.

Он свернул в узкий переулок. Тени домов накрыли его бархатным плащом тьмы, а тени людей догнали и окружили. Те самые пьянчужки, которых он разогнал. Те, что побоялись связываться с ним в открытую.

Он стоял, а темнота вокруг него наливалась лютой злобой и судорожной ненавистью. Он стоял со сломанной рукой и тяжелой до безобразия головой. Безоружный и растерянный, он стоял – впервые за свою долгую, полную драками жизнь, не зная что делать.

И когда темнота до краев налилась отвратительным кошмаром, насосалась знобкой жажды убийства, прозвучало одно-единственное, короткое:

– Бей!

Тяжелый удар сбил его с ног, а дальше...

В такой темнотище разве поймешь, кто его убил? Кому надо, тот и убил – а нам что за дело? Мы и вообще мимо шли. Да и не видели мы никого. Тут такие лужи – утонуть можно. Успевай, главное, под ноги смотреть. А не то чтоб... по сторонам шариться. Да и вообще, мы – народ занятой. Делать нам нечего – всяких мертвяков разглядывать. Вот вы – стража, вы и разбирайтесь! А мы, как честные граждане, до трак-

тира шли. И желаем, чтобы, значит, этот путь продолжить. А тут темно. Так что ничего мы не видели, вот. И не надо меня руками! Вы этими руками небось зад чесали! И вообще. Вы бы этими руками лучше фонарь тут для смеху повесили. Вам же спокойней выйдет. Я кому сказал, не трожьте меня, меднолобые морды! Не тыркай, рожа! Сам ты благородие! Я человек, а не пакость! Нож в кармане?! Ну и что?! Ну и что, я вас спрашиваю?! Я что, не имею права в трактире своим ножичком луковку порезать? А ты не шмургай мозгами, шкварка поганая! Ты сперва докажи, что это я его! Мы здесь все свободные люди! Ах, ты...

Визготня стояла в переулке. Длинная такая. До небес бы добралась, да крыши мешали.

В конце концов стража кого-то арестовала, но, кажется, даже он сам не был уверен, является ли он участником убийства.

В суматохе никто не заметил внезапно появившееся чудовище. Мы вообще редко замечаем чудовищ. Так уж они, чудовища, устроены, чтоб их замечали как можно реже. Встречая их, люди обычно пугаются до обморока, а потом возносят хвалу богам, что подобные вещи происходят с ними не каждый день. А между тем, стоит им научиться вовремя оборачиваться через плечо... Впрочем, нет. Лучше не стоит.

Чудовище медленно наклонилось над убитым менестрелем и подняло его. Подняло осторожно, как младенца. А по-

том шагнуло в ночь. Далеко, за город, прямо сквозь стены зданий, сумрак фонарей, ругань стражи, храп обывателей, сквозь все то, что составляет ночное тело города. Крепостная стена чуть качнулась, словно отодвинутая занавеска, сон часовых на башнях стал чуть менее ровным, городскому голове приснился кошмар – его дочь вышла замуж за какого-то пьяного офицера, который на радостях спалил полгорода. Крепостная стена качнулась обратно, и ночь спрятала все. Никто не увидел странных, пугающих чудес. Ну, да ладно, может, оно и хорошо. Некоторых вещей лучше не видеть – пищеварение портится.

Когда стражники хватились убитого, он уже исчез, что вызвало новые яростные споры между ними и подозреваемым. В самом деле – раз никакого убитого нет, значит и убийства не было? Не мог же мертвый самостоятельно уйти!

Что? Хотите сказать, что я его в карман спрятал?! Да вы ж на меня все время таращитесь! Небось дырку уже проглядели!

Оказавшись за стеной, чудовище мягко подуло на мене-стреля – и его раны затянулись. Подуло еще раз – и он открыл глаза.

– Сын, – выдохнул он. – Я должен...

– Уже нет, – тихо сказала чудовище человеческим голосом. – У него другой путь...

Часть 1

Сломанный сид

...Невесомая, в облаках соткалась тень всадника... тень всадника поднесла к губам тень рога... но неожиданный ветер разметал облака. Всадник исчез, и непролитый звук повис в воздухе. И тени деревьев, и тени домов согласно качнулись. Еще не время. Слово, не имеющее звуков, чтобы облечься их плотью... быть может, *еще* не имеющее?

Деньги – это такой специальный общественно полезный предмет, который сделан для того, чтобы его не было, подумал Курт.

Он заглянул в свою кружку для подаяний, и убедился в вечности возвышенных истин. Того, чего не должно было быть, действительно не было.

Курт сидел у высокой стены, и на него с безмолвным грохотом падала синяя тень. А люди шли мимо и делали вид, что ничего не случилось. Хотя все знали – случилось. Они прятали это знание от себя и друг от друга, но перепуганные взгляды выдавали их нехитрую игру. Вторую неделю через королевство Оннер шла война. Она шла мерно и неторопливо. Ее поступь напоминала надвигающийся прилив. И в Денгерском порту больше не было кораблей из Брила, потому

что Брил лежал в руинах, и уже пылали крепости к северу и западу от него.

– Никто не дает, – сказала Элна, старушка-нищенка, сидевшая неподалеку от Курта.

– Никто, – вздохнул Курт, проводя ладонью по струнам сида. Жалобный, нестройный звук – проклятая сырость скоро совсем dokonает отцовский инструмент.

– И не даст никто, – сказала Элна – Война...

– Надоело умирать с голоду, – глядя в отворачивающиеся лица прохожих, сказал Курт.

На центральных улицах Денгера еще подавали. Там чаще случались действительно богатые люди, а среди проходящих город насквозь вражеских захватчиков иногда встречались щедрые за чужой счет. В конце концов, если удалось наградить столько, что руки все равно не несут, почему бы и не дать монетку-другую нищему калеке? Охотней других подавали разного рода наемники, люди сентиментальные и жестокие. Они волокли на себе ворох всяческих суеверий, одно из которых гласило: «Подающий убит не будет.» Да и жалко ли денег из чужих карманов? Главное, чтоб не переводились люди, у которых можно их отобрать. Однако на центральные улицы Курту с Элной путь заказан. Там другая компания. Нищенская элита. У нищих тоже есть свои короли, и их власть ничуть не меньше чем у тех что во дворцах. Так-то вот.

– Уходить надо, – сказала Элна – Здесь не житье теперь.

– Куда уходить? – эхом откликнулся Курт – Куда вообще можно уйти?

– В деревню, милоч, – ответила старушка. – Здесь скоро страшно станет, а там... тоже конечно плохо, но...

В этот момент однообразный поток прохожих распался. Равнодушную синюю тень, что отбрасывала стена, перечеркнула другая, короткая и сердитая – вывалившись из толпы, над Куртом застыл человек. Он стоял, чуть покачиваясь из стороны в сторону, и глядел на Курта. Глаза его были недобрыми и неумными. Он просто стоял, но Курту казалось, что он с воплем несется на него. «Убьет» – в ужасе подумал Курт – «Псих какой-то»

В глазах незнакомца мешались жестокая радость и яростное желание повеситься. Убийство и самоубийство плясали в нем танец неутолимой страсти. Он был до краев полон желания сделать хоть что-нибудь – еще шаг, и его безумие выплеснется...

Курт смотрел на него, с ужасом осознавая: что бы ни сотворило сейчас это человекообразное чудовище, ему, Курту, это вряд ли понравится... и это еще в том радостном случае, если ему повезет и он останется в живых, чтобы оценить содеянное.

Только не сид.... подумал он. Только не Элна... только не насмерть... ну пожалуйста... только не...

Лицо незнакомца внезапно переломила ужасающая солнечная улыбка – эдак вот пополам лицо треснуло. Курт едва

не заорал от страха – на таком лице просто не могло быть такой улыбки, не могло – потому что мертвые не улыбаются... а этот был мертвым, хотя и вполне живым. В этот миг Курт вдруг понял, что некоторые просто рождаются мертвыми. Рождаются – и живут себе. Мертвые.

Курт весь сжался, готовясь к чему-то омерзительно-неотвратимому, а незнакомец наклонился и смачно плюнул в Куртову чашку для милостыни, после чего резко развернулся и, буркнув что то неразборчивое, пошел прочь, деревянно перебирая ногами.

Курт услышал тихий облегченный вздох и, обернувшись, увидел, как Элна аккуратно кладет возле себя довольно крупный и острый с угла камень.

– Вот... – выдохнула она. – Уходить надо. Деревни, конечно, будут грабить, даже жечь будут, а в городах... в городах такое творить станут – сам о смерти запросишь. Можешь мне поверить... я это уже видела.

Курт испуганно вздрогнул; ему показалось, что сухой шорох слов старой нищенки упал на грязную булыжную мостовую, и равнодушно шагающие ноги ужасного большинства, гордо именующего себя человечеством, с хрустом втоптали его в общую грязь.

– А подадут в деревне? – спросил он, встряхнув головой, чтобы отогнать видение.

– Там тоже люди, – ответила Элна – Разные, как везде... Кто-нибудь даст – свет велик...

Курт вздохнул и заглянул в кружку для подаяний. Плевков глядел оттуда весело и победоносно. Первое подаяние за весь день. Спасибо, люди. Настоящий святой шриджа, какой-нибудь жрец-аскет из храма Докл Энк – служитель Бога Нищеты, этакий Прокл Гаргутама, про которого даже детям сказки рассказывают – что он сделал бы, этот образец подражания для любого нищего? Почел бы этот плевков подаянием, слизнул его и вознес хвалу своему Богу – а тот, очарованный смирением, послал бы ему щедрого дарителя, так что ли? Впрочем рядовые нищие, по крайней мере те, что составляют Гильдию Нищих Денгера, совсем не похожи на своих святых. Любой из них просто вытер бы кружку рукавом, пробормотал молитву о ниспослании удачи и тут же позабыл бы эту историю, а менестрель... («Я не менестрель и никогда им не буду» – старательно напомнил себе Курт, его пальцы вновь мягко коснулись сида, и тот жалобно звякнул...) любой менестрель убил бы за такое оскорбление кого угодно... хоть бы и самого короля...

"А я не менестрель, " – с тоскливой усмешкой подумал Курт. – «И не нищий: гнев одного и благодарность другого – равно неподъемная ноша для стоящего в пустоте.» А еще Курт подумал: «Я – никто. И есть хочется все сильнее.»

В чем-то это бесспорно была правда. Профессии у Курта действительно не было. Когда-то он пытался стать менестрелем. Долго пытался. Но чтобы стать учеником в Храме Песен, нужен талант, причем не абы какой, а яркий и несомнен-

ный. Чтобы отыскать местечко при дворе какого-нибудь короля или хотя бы в доме вельможи, нужны связи, знакомства, рекомендации, а их кому попало тоже не дают. Чтобы быть уличным певцом, нужно заплатить в гильдию и научиться, наконец, как следует играть на сиде – на улице за плохую игру и побить могут. И, наконец, чтобы быть бродячим певцом-сказочником и таскаться по деревням, нужно знать чертову уйму всяких шуток, сказок да прибауток. В общем, ничего этого у Курта нет и ничему этому он так и не научился. То есть... научился кой-чему, но...

А вот нищим он никогда не хотел быть и в гильдию ихнюю вступать не пытался – но вышло так, что именно нищенство кормит его, а гильдейским приходится, скрипя зубами, терпеть рядом с собой чужака. Нищенская кружка... и его небывалая, самым им придуманная профессия – зазывала для нищих... вот что спасало его от всех экзаменов на профпригодность, вот что давало ему право существовать в щелях, меж законов и правил, ни с кем не делаясь своими мизерными доходами. Однако и защищать его в случае чего – тоже никто не станет. Кроме Элны. Курт припомнил, как она опустила наземь рядом с собой увесистый камень. Сомневаться не приходилось – старушка несомненно пустила бы его в ход, если бы в этом возникла необходимость.

Курт покосился на свою соседку. Элна задумчиво смотрела перед собой, мерно шевеля губами. «Молитву читает», – подумал Курт и вдруг понял, по губам угадал – она же поет!

«Песня Дальней Дороги» – когда-то Курт знал этот мотив... если постараться... пальцы легли на лады, сид востепенулся и запел, вначале глухо, потом все звонче. Элна повернула голову и посмотрела на Курта.

– Спасибо тебе, – сказала она и улыбнулась.

Да, вот такой он и есть, Курт-Зазывала, про которого Элна же и сказала: «Да он сам себе – гильдия, отстаньте от него. Вот пусть сам себе налог и платит.»

И ведь отстали. Все-таки что-то он из своего сида выдать в состоянии. Кой-кого из прохожих, кто вкусом попроще, а ухом потолще, это иногда привлекает – а значит и нищему, что рядом устроился, тоже что-то перепадет. То есть скорей всего именно нищему и перепадет. Любой человек, вслушивающийся в его музицирование больше минуты, просто звереет и навсегда отказывается от идеи что-нибудь ему давать. Некоторые открыто заявляют, что он им еще и доплачивать должен за то, что они терпят подобное безобразие. Ну, а раз денежка все равно уже вынулась, да тут кстати, совсем рядом сидит такой настоящий, такой правильный нищий, и даже кружка у него гильдейская – медная и с клеймом. Все как положено. И мелкий медный грош со звяканьем падал на дно медной кружки. Медь к меди. Денгер – богатый город. «Медью» здесь зовут нищих, и богатые дамы имеют ее только для подаяния – которое, как известно, угодно богам и даже искупает грехи. У богатых много грехов. Впрочем, теперь не дают даже богатые – видимо, они срочно ис-

правились и больше не нуждаются в искуплении. А может, им просто наплевать. Война...

Курт взял несколько аккордов и запел жалобную песню о несчастном маленьком мальчике, потерявшем всех своих родных и вынужденном просить монетки у холодной и безжалостной луны. Сид хрипло дребезжал. Голос не отставал, с каждой нотой становясь все противнее. Голос и сид словно бы устроили соревнование – кто окажется хуже. Голос лидировал с небольшим отрывом, но сид внезапно совершил рывок и уверенно победил – неожиданно с омерзительным звуком лопнул самый толстый бас, лопнул и скрежеща заскользил по соседнему. Спешивший мимо мрачного вида прохожий вздрогнул и тихо выругался. Выругался, но не задержал шага. Война...

– Что, Элна, сходим, может, на соседнюю? – предложил Курт – Чует мое сердце – здесь нам сегодня, кроме луны и голодного брюха, ничего не светит.

– Отберут твою кружку, – тихо ответила Элна. – А мне штраф дадут.

– Но... Рий и Дорм наверно уже дома, – нерешительно возразил Курт.

– Есть еще Хэк, – заметила Элна. – И ему всегда скучно. Он везде ходит.

Курт вздохнул. Вездесущего старшину нищих он знал хорошо. Тот трижды лично отбирал у него кружку, хорошо зная, что шляпу Курт положить не посмеет. Не посмеет – по-

тому что, положив шляпу, он как бы объявит себя уличным музыкантом... а тогда это уже проблемы совсем другой гильдии. Достаточно просто послать им человечка с информацией – и «неправильного» Курта, это недоразумение природы, избыют так, что он в жизни ни одной струны больше не коснется. Конкурентам гильдейские музыканты просто ломают пальцы. У них даже приговорочка есть такая: «ложку с кружкой держать будет, а сид и ширгу – никогда...» Старшина нищих хорошо знает, что Курту об этом известно, поэтому и не применяет к нему каких-то суровых мер – зачем? Достаточно просто отобрать у Курта кружку, и можно идти по своим делам – новую Курт раздобудет нескоро. Денег у него нет, а в долг ему никто не поверит. Не те времена, чтоб нищему в долг давали. А ведь он даже и не нищий – так, непонятно что с непонятно чем.

Курт отпустил колок на порванном басу и принялся связывать концы лопнувшей струны, прикидывая, насколько страшнее станет теперь его музицирование. Нет, он никогда не решится положить шляпу, уличные музыканты и без того несколько раз его били. За плохую игру, за оскорбление их нежного слуха. Они с радостью сломали бы его сид, если бы могли. На счастье Курта, сид, передающийся в роду от отца к старшему сыну считается священным: сломать его случайно – и то великий грех для музыканта, а уж намерено этого никто не захочет сотворить. В любой злобе не захочет – потому что от музыканта, совершившего такое, отвернется

музыка.

– Сегодня я тебя накормлю, – негромко сказала Элна, и Курт вздрогнув, очнулся от своих невеселых дум. – Сегодня. Но... завтра я уйду. Если хочешь – можем пойти вместе.

– Куда? – пробормотал Курт несчастным голосом. – Куда можно уйти?

– А куда угодно! – усмехнулась Элна. – Главное – сделать первый шаг, а там уж... сам потом удивишься, куда тебя ноги занесут. Я-то пойду к родне, в деревню. Есть у меня там кое-кто, если не все еще поумирали, конечно. А что касается тебя – хочешь совет?

– Давай, – сказал Курт

– Ты ведь еще молодой совсем, – мягко проговорила Элна. – Так вот, это отец твой был музыкантом, а не ты. Ты не обязан пытаться повторить его путь. Это ему казалось, что тебе будет хорошо с этим многострунным корытом – и ты не виноват, что у тебя к нему душа не лежит.

– Что?! – хриплым шепотом завопил Курт. – Что ты такое говоришь?! Я... я – люблю сид... и музыку тоже люблю! Я...

– Да. Я так и поняла, – усмехнулась Элна, а потом, внезапно наклонившись к Курту, отчетливо и властно произнесла. – Разбей свой сид о дерево и найди себе дело по душе. Стыдно в твоем возрасте с протянутой рукой ходить.

В глубокой задумчивости Курт топнул зачем-то ногой – и засохшая уличная грязь вдруг треснула. Из под нее проступило нечто схожее с весенним небом. Курт мельком гля-

нул вниз, ошарашенно потряс головой, снова посмотрел. А потом нагнулся и, запустив руки в потрескавшуюся корку грязи, стал разгребать мусор. Оказалось, треснула не только грязь. Грубый булыжник у стены то ли давно устал от жизни, то ли от природы был хрупким. Удара башмаком оказалось достаточно. То, во что он превратился, не слишком отличалось от уличной грязи, а под ним...

Мостовая этого города когда-то была небесно-голубой, а на каждом камне... каждый камень был украшен изображением витязя, трубящего в рог. Белого Витязя на белом Коне.

Курт восторженно потряс головой. Под грязью, оказывается, скрывалась целая картина!

Курт поднял глаза и посмотрел.

На город.

На людей.

На стоящий вокруг город и на идущих мимо людей.

На людей и на город, втоптавших в грязь ТАКОЕ...

Когда-то Курт учил несколько баллад об этом незапамятном рыцаре. Легендарном Хранителе Края.

Они втоптали его в грязь.

Курт посмотрел вокруг. Ладони сами собой вернули грязь и обломки камня на прежнее место.

Лучше уж так. Они забыли тебя. Спи, витязь. Не стоит тебе появляться среди них. Они на все способны, лишь бы никто не помешал им равнодушно проходить мимо. Спи, витязь.

...Война надвигалась медленно и неуклонно, словно прилив. Каждая накатившая волна в конце концов откатывалась, но на смену ей уже спешила новая – которая продвигалась уже чуточку дальше. Мудрые старики знают: любой прилив раньше или позже сменяется отливом. Знают они и другое: на освободившемся от схлынувшей волны песке всегда остаются трупы. Трупы людей. Трупы государств. Трупы народов.

Волны войны катились из страшного королевства Рон, и, хотя имели они конкретную цель, катились они, не разбирая дорог, не щадя ничьих земель, не вспоминая о былых священных клятвах и вечных союзах. Королевство Рон не всегда было страшным. Знало оно и лучшие времена. Годы и годы величия, мудрости и красоты. Плохо, когда Король умирает не успев оставить наследника. Еще хуже когда ни один из претендентов не обладает неоспоримыми правами на трон. И уж совсем плохо, когда в борьбе за престол некоторые из них начинают пользоваться услугами магических орденов с весьма сомнительными репутациями. Черные Маги правят теперь королевством Рон – и волны войны бегут и бегут от него в задыхающийся от непрерывной битвы Джанхар, в котором некий мудрец, по слухам, произнес некое пророчество. О чем оно было, разумеется, никто не знает – кто ж простому народу-то про такие вещи сказывать станет! Однако что-то там такое было – не зря же черные маги так раз-

воевались. Они конечно и без того повоевать не дураки, но не до такой же степени!

Даже самому себе Курт не смог бы объяснить, почему он все-таки не пошел вместе с Элной в ее деревню. По правде говоря, ему было безразлично, куда податься, но...

После того, как в одном из самых грязных трактиров города, по какому-то странному недоразумению носящем гордое прозвание «Королевский Дракон», Элна накормила его действительно королевским ужином – такого вероятно хватило бы и дракону, а не только барду-недоучке – он встал, поблагодарил и вдруг сказал что уходит. Уходит прямо сейчас. Не откладывая. Он не знал, что на него нашло – просто некий неведомый собеседник внутри его самого вдруг решил, что пришло время. Время уходить.

Элна внимательно посмотрела ему в глаза, а потом улыбнулась и сказала, что он молодец, что наконец-то он стал взрослым и что она желает ему удачи. А на прощанье, на удачу опять же, подарила ему серебряную монетку. Целое состояние! И откуда у нее?.. Монетку Курт завернул в не слишком грязный еще платок и упибал подальше за подкладку своего драного плаща. В последнее время в подкладке образовалось столько дыр, что Курт перестал сокрушаться об отвалившихся карманах.

Курт уходил. Уходил из города. Уходил совсем. Какое-то странное чувство смутно билось у него в груди – он еще не знал, что это называется «ликование». Серые городские су-

мерки тяжелой паутиной оседали на плечи. Курт шел и слышал, как во всем городе хлопают закрывающиеся окна и двери, как задвигаются на ночь засовы, захлопываются ставни. Где-то там, в центре, на богатых улицах шла драка, слышались пьяные голоса ссорящихся из-за добычи наемников и звон стали. Курт уходил дворами и переулками. Он уже знал, в котором месте перелезет стену.

Опять вспомнился всадник. Облачный Воин. Так его называли когда-то. Когда-то очень давно... Курт жалел что не может вырыть и унести камень. Ему, небось, тоже несладко, бедняге...

С другой стороны, если стража накроет меня таскающим камнями из городской мостовой... Всаднику – что, он каменный, а меня так отходят дубинками! Нет уж. Как-нибудь потом, если жив останусь.

Внезапно он понял, до какой степени ненавидит этот город. На самом деле ненавидит. Открытие потрясло его. Денгер... город, в котором он несколько лет просидел у грязной холодной стены... город, в котором даже в лучшие дни удавалось всего лишь кое-как выживать, а в остальные – только бы не сдохнуть... город, в котором в пьяной драке зарезали его отца... как он мог считать, что *любит* его?

Что за чудовищное колдовство держало его здесь столько времени?

Колдовство? Далекие отзвуки призрачного рога достигли его и ласково коснулись, словно весенний солнечный луч,

шаловливо скользнувший из-за ветвей, ненароком задетых пролетающим ветром.

Далекие отзвуки призрачного рога?

Нет. Это всего лишь ветер ерошит волосы.

Почудилось.

Курт ловко забрался на потрескавшуюся от времени стену – только слабо звякнул привязанный за спиной сид – взобрался и посмотрел назад. Посмотрел – и подумал, что все это время прожил в капкане, прожил, даже не осознавая, что это капкан.

– Я никому ничего здесь не должен, – сказал он, глядя в беспокойную тьму кварталов. – И я всех вас прощаю, – добавил он мстительно. – Будьте настолько омерзительны, насколько вам этого хочется. Я пошел.

С этими словами он решительно прыгнул со стены в охватившие город сумерки.

Еще какой-нибудь десяток лет назад он вполне мог бы угодить в глубокий ров, наполненный водой. К счастью, те времена давно прошли, и Курт просто рухнул на какую-то кучу мусора. «Куча мусора» взвыла дурным голосом и, невежливо стряхнув Курта, принялась торопливо натягивать штаны. На Курта водопадом обрушилось невероятное месиво из руганей всех стран и народов. Точней говоря, это был не водопад, а натуральный грязевой поток.

С трудом стряхнув с себя обломки устного народного творчества, Курт вгляделся в застегивающую штаны тень.

Перед ним, основательно покачиваясь, стоял здоровенный, в охапку пьяный наемник из тех, что сегодня бесчинствовали в городе. Одной рукой он все еще пытался застегнуть сползающие штаны, другой – на шаривал меч. На счастье Курта, пояс наемника, видать, тоже здорово нагрузился и перестал исполнять свои непосредственные обязанности так, как этого требуют командиры, уставы и просто здравый смысл. В результате меч съехал незадачливому вояке на самую задницу, где и пребывал в настоящий момент, являя собой некую пародию на идею хвоста.

– Щенок! – выдохнул наемник. В его мутных глазах колыхалось что-то такое, чего Курт предпочел не рассматривать.

«Сейчас он меня убьет» – отрешенно, как о чем-то незначительном, подумал Курт. – «Вот сейчас – убьет...»

– Убью! – выдохнул наемник. – Вот сейчас – убью!

«Он еще и мысли читает!» – непонятно чему испугался Курт. – «Ну и пусть читает, подумаешь невидаль!» – тут же заспорил он сам с собой.

Наемник икнул, качнулся и тяжело шагнул к Курту. Прежний Курт тут же дал бы деру: где уж ему, убогому недоучке, сражаться с кем бы то ни было... его даже старшина нищих обижал почему зря, а ведь совсем уже старик, если рассудить... где ж ему, неудачнику, сразиться с воином, пусть даже и пьяным. Так то – прежний Курт. Тот несчастный городской сопляк, трясущимися руками подбирающий брезгливо брошенные монетки. Но его больше не было. Он умер.

А перед наемником стоял Курт, Перелезший Через Стену – и это был совсем другой человек.

Наемнику, наконец, удалось отыскать свой меч, но на этом его удача и кончилась – видно, сильно он перетрудил свою судьбу, во фляге его везений обнаружилась дырка, и все вино, увы, давно вытекло. Пока он непослушными руками ловил меч, Курт собрался с духом, поймал удачу и прыгнул. Прыгнул и толкнул наемника в грудь. Вмянув что-то нечленораздельное, наемник нелепо взмахнул руками, в одной из которых, кстати, уже оказался меч, после чего картинно запнулся, запутался в собственных ногах и тяжело рухнул на спину. Когда Курт осмелился приблизиться, его первый враг был уже глубоко и безнадежно мертв. Он разбил голову о камень, подвернувшийся невероятно кстати. Нет, бывает же! В распахнувшемся лунном свете тускло блеснул меч которым он так и не успел воспользоваться.

– Я убил человека, – самому себе сказал Курт. Помолчал и добавил. – Воина. Наемника. Врага, – еще помолчал и решительно закончил. – А теперь я пойду и разобью сид о дерево. И больше ни о чем не буду жалеть. Элна была права. Спасибо.

Он хотел было забрать меч – в конце-концов так было бы только справедливо, в каждой второй балладе герой обязательно забирает себе меч поверженного им противника, а иногда и не только меч. Коня, жену, драгоценное убранство и прочие радости жизни. Но, подумав, Курт отказался от этой

идеи. Жены у этого проходимца скорей всего никогда не было – кому он такой нужен? Коня он, вероятно, уже пропил. Никакого добра при нем не наблюдалось, а одежда... честное слово, Курт никогда не обменял бы свою драную, но чистую одежонку, на то грязнящее безобразие, что изволил напялить на себя господин наемник. Теперь уже бывший господин наемник. Труп. Курт никогда ничего не брал у мертвых. И не собирался начинать сегодня, что бы там ни пелось в этих самых легендах. К слову сказать, мертвые враги в этих самых легендах выглядят безмерно прекрасными. Даже самые зловещие – выглядят. Такими же, как при жизни. Вот. А наемник и при жизни выглядел так, что смотреть не хотелось, а уж теперь-то... Вот так и выглядят настоящие трупы, приятель. Привыкай. Нет в них ничего величественного. Нет ничего красивого. И вот этими грязными руками он касался своего меча, держался за рукоять... нет уж! Как-нибудь обойдусь. И кстати, будь у меня меч, разве я не попытался бы им воспользоваться? Вряд ли я стал бы толкать этого типа. И кто знает, что бы тогда было? Меня ведь никто не учил владеть мечом.

Приняв такое решение Курт решительно развернулся и направился прочь. Туда, куда глядели глаза.

Беду Зикер предчувствовал. Когда слабеют некогда могучие силы, начинаешь искать новые способы воздействия на реальность. Зикер Барла Толлен, один из основателей Орде-

на Черных Башен, некогда лучший боевой маг Ордена, а теперь просто слабый усталый старик, остановился на ясновидении с помощью магического шара. Многие маги практикуют этот способ предсказания будущего, но многие ли владеют им в совершенстве?

Если по-правде – немногие.

Да и зачем, собственно, если это самое будущее всегда можно изменить? Достало бы сил.

А вот когда недостает...

С возрастом сила мага бесспорно растет, но... до определенного момента. Пока слабеющее тело не предаст своего хозяина, и с частью сил приходится расставаться. А потом со следующей частью. Еще. И еще. Сила больше не вмещается в хрупкую оболочку тела. Взорваться от собственной силы – невеселое дело. И малоприятное.

Вот тогда-то на смену силе приходит мастерство. А если повезет, то и мудрость, потому что от одного мастерства без мудрости – мало проку. Вот тогда и появляется нужда в ясновиденье и прочих, тому подобных вещах, от которых с таким презрением отворачивался раньше.

Беду Зикер предчувствовал. Заниматься ясновиденьем – и пропустить такое... это не для него, извините. Предчувствовал, конечно. Но, как всякий живой человек, надеялся, что грозу пронесет мимо. Увы.

Зикер уже довольно давно знал о появлении в мире весьма необычного мага. Едва успев народиться, тот весьма суще-

ственно пошатнул равновесие оного. Такие вещи ощущаются сразу. Зикер надеялся только, что появление этого существа прошло незамеченным для Архимага, равно как и для всех прочих Архимагов, сколько бы их ни было. Если мальчишка – то, чем кажется... лучше бы Ордену Черных Башен и вовсе с ним не связываться. Слишком непредсказуем. Непредсказуем и страшен. Слишком... Зикер не мог подобрать сравнений для его магии. И очень надеялся, что мальчишка останется незамеченным. Что он сам ничего не заметит. Не заметит, не поймет, не почувствует, не обнаружит, не разовьет своего дара, умрет в свой срок. Пусть его совсем, с его сумасшедшими чудесами.

Увы. Надежды надеждами, а такое даже эта пародия на Архимага не пропустит. Страшная, невероятная магия. Почти не связанная с силой... Не пропустил. Заметил, гад. Выследил. Еще бы. У него теперь такой штат верноподданных шпионов... Люди. Демоны. Маги. Маловато осталось от бывлой жалкой карикатуры, капризно требовавшей себе мозги. Этот Архимаг не так прост, и своего не упустит. Купил парнишку у родителей. Большие деньги – по их понятиям. Там, у себя, в своем задрипанном городке, они теперь большие господа. На радостях они даже не поинтересовались, кому продают сына и для чего.

Зикер догадывался, зачем его зовет Архимаг. Идти не хотелось, но...

Не идти – еще хуже.

Архимаг встретил его улыбкой. Изю всей своей коллекции улыбок он выбрал эту. Самую поганую. Довольную улыбку обожравшейся акулы. Хозяином этой улыбки когда-то был прежний Архимаг.

Стоя у подоконника, Архимаг демонстративно давил мух, а в уголке его кабинета, съежившись в комок, на полу сидел щуплый подросток с торчащими во все стороны локтями, коленями, глазами, волосами и ушами.

– Познакомься, Зикер, – сказал Архимаг, вытирая пальцы о свою белоснежную мантию. – Это – твой новый ученик. Его зовут Тенгере.

Услышав свое имя, парнишка вздрогнул и сжался еще сильнее.

– Я... должен учить его? – обреченно спросил Зикер.

– Не просто *должен*. Обязан, – сказал Архимаг. – Я тебе потом подробно расскажу, чему именно ты его научишь.

Склонившись в почтительном поклоне, Зикер исподлобья внимательно наблюдал за мальчишкой. Невероятный маг. Невозможный. И если Архимагу удастся поглотить его... или хотя бы сделать его своим орудием... Архимаг станет совершенным в своей силе. Непобедимым. Может быть даже – бессмертным. И тогда Зикер перестанет быть ему нужным. Впрочем, не тогда, а гораздо раньше... Слишком много знает и уже не нужен – все равно что мертв... Архимаг делает единственную ошибку. Отдает Тенгере в ученики Зикеру. Есть еще время что-то придумать. Пока еще есть. Потому

что рано поглощать мальчишку. Талант его не созрел и в таком виде ни к чему не пригоден. Архимаг знает это – иначе зачем ему Зикер? Значит, время еще есть. Бедный парень. И за какие грехи ты влип в наши игры? За что тебе такой чудовищный дар?

– Забирай его, Зикер! – распорядился Архимаг. – Завтра... Завтра придешь ко мне в это же время. Я расскажу чему его нужно учить в первую очередь.

– Что ж, я займусь мальчишкой, раз такова ваша воля, – сказал Зикер и наградил паренька такой зловещей улыбкой, что тот задрожал от ужаса.

– Ты нашел верный тон, Зикер, – одобрительно заметил Архимаг.

– Стараюсь, Ваша Милость, – ухмыльнулся Зикер.

Еще раз поклонившись, он ухватил Тенгере за шиворот и поволок к двери. Мальчишка повис у него на руках, и, казалось, потерял сознание.

Смертный ужас сковал Тенгере. Ему было страшно и раньше. Особенно когда он понял, что его продали какому-то сумасшедшему магу, а вовсе не «ученому человеку, сведущему в разного рода науках.» Ему было страшно, пока его везли какие-то уродливые твари, похожие на людей только издали, и то если очень сильно напрячь воображение. Но когда тот, похожий на мерзкую лубочную картинку, с доброй улыбочкой и злющими глазами маг позвал второго...

Второй был по-настоящему страшен. Гораздо страшней

первого. А еще... он не был нарисованным. Он был настоящий. В того, первого, можно было не верить. Сжаться в комок, закрыть глаза и убедить себя, что все это просто дурной сон. Мало ли что во сне приснится? Любой сон рано или поздно кончается... А этот... этот был настоящий. А схватил-то как! Не иначе, убьет сейчас...

Но, едва дверь захлопнулась, как злобная хватка превратилась в крепкое дружеское объятие. Лицо мага утратило выражение преувеличенной зловещести. Взволнованный голос прошептал в самое ухо: «Держись, малыш! Ты попал в очень плохое место. Быть может, в самое плохое место в твоей жизни. Да к тому же здесь теперь стало совсем плохо. А это очень опасно, когда в плохом месте становится плохо. Но ты не бойся! Я тебя в обиду не дам!»

Тенгере еще не знал, как часто люди врут. И уж конечно, он не знал, что маги врут почти постоянно. Он поверил. На его счастье, Зикер сказал правду. Тенгере был нужен ему самому. Не меньше, чем Архимагу.

Зикер в толк взять не мог, что на него нашло. Почему он вдруг шепнул этому почти свихнувшемуся от страха бедняге слова ободрения. Жалость? За черными магами такого не водится. Зикер был черным магом очень долго. В конце концов, он был одним из основателей этого ордена. Вот только... в отличие от многих других, он был черным магом не всегда. Быть может, в этом дело?

Видения детства и юности промелькнули перед ним

необычайно отчетливо. Это было так... так давно, что даже его память мага...

Если бы ему хоть немного хуже удавались все эти трюки с боевой магией, если бы ему попались другие наставники...

Ему приходилось убивать их одного за другим. Такие были времена.

Вы когда-нибудь пробовали убить своего наставника? Особенно такого, который учил вас всем этим смертоносным штукам и знает в сотню раз больше вас по любому раскладу? А убить человека, ради которого ежесекундно готовы были умереть, для которого – всю силу, всю кровь до последней капли? А человека, чье дыхание было вашим воздухом, без которого вам просто не дышалось – пробовали?

Тогда лучше молчите. Потому что сказать вам нечего. А не убить было нельзя... и дело даже не в спасении собственной жизни. То безумие, в котором постоянно барахтается практикующий черный маг, быстро отучает его ценить собственную жизнь. Просто то, чем стали эти люди, нельзя, невозможно было оставить в живых.

"А этот, быть может, убьет меня, " – глядя на Тенгере почти с нежностью, думал Зикер. – «Этот сможет. И не струсит.»

От осознания последнего факта ему вдруг стало легко и чисто, как давно уже не было. Он улыбнулся Тенгере, взял его за руку и повел за собой. Прочь из башни Архимага. Домой.

Стараясь поспеть за удивительным стариком, Тенгере, тем не менее, прилежно глазел по сторонам. Ну, еще бы! Он ведь ни разу еще не видел магического ордена. Думал, Орден – это что-то вроде Храма Всех Богов, в соседнем городке. А он... он... да где там этому Храму! Орден-то этот побольше иного города будет. И не такого задрипанного, как их городишки, а настоящего, большого города. С крепостными стенами, часовыми, стражей, базаром, ярмаркой, живыми акробатами, настоящими скоморохами, взаправдашними мекенстрелями, с настоящим морским портом и огромным замком в самой середине. Тенгере такие только на картинках видел. А тут – въяве! И куда больше. Ведь как ни крути, а замок в любом городе только один. И самый главный человек, кто бы он ни был – король, градоначальник, князь – тоже только один. А тут у каждого мага – Башня побольше тех замков, своя стража, ученики, слуги и прочее разное. И каждый маг ну не меньше чем на князя тянет! А некоторые – куда там твои короли!

Тенгере казалось, что кто-то нарочно – ну, в шутку, что ли – стащил много-много разных городов в одну кучу. Стащил, чтоб позабавится, а потом бросил, да так и осталось. Тенгере честно попытался представить себе этого невероятного великана – и честно не смог. Воображения не хватило...

Внезапно он натолкнулся на чей-то взгляд. На миг ему показалось, что кто-то с размаху проткнул его глаза ледяными беспощадными иглами. Он весь застыл от едва переносимо-

го ужаса. Хотел вдохнуть воздуху, чтоб заорать, но понял, что больше не умеет дышать – а тот, кто не умеет дышать, тот и заорать не сможет.

Рука Зикера легла на плечо. Миг – и наваждение рассеялось. Тенгере судорожно вдохнул и обнаружил что смотрит на статую, стоящую в центре небольшой площади. Глаза у статуи были живые и лютые.

– Запомни это место и никогда не ходи сюда, – негромко сказал Зикер. – Это... оно только кажется статуей. Иногда оно убивает.

– У... у нее... глаза... они живые... – выдохнул Тенгере.

– У него, – поправил Зикер. – Это маг. Смысл его жизни в том, чтобы нести смерть. Осознав это, он убил себя, но задержался на Пороге, чтоб нести смерть другим. Обычно он уничтожает врагов нашего Ордена, но... видишь ли, он получает удовольствие, убивая... и если враги долго не попадают... словом, не обладая должной силой, лучше не ходить сюда. Даже обладая – лучше не ходить. Есть много других дорог. Даже в нашем Ордене.

– А... а... зачем... – умоляюще глядя на Зикера спросил Тенгере.

– Ты хочешь спросить, зачем мы сейчас сюда приперлись? – вздохнул Зикер.

Тенгере судорожно сглотнул и кивнул.

– Так ведь затем и приперлись, чтоб ты знал о том куда именно ходить не стоит. Куда в первую очередь ходить не

стоит, – сказал Зикер. – В Ордене немало поганых мест, но едва ли есть более опасное, чем это. Так что – запомни. Кто бы тебя сюда ни звал, что бы ни сулил. Найди любой предлог, чтоб отказаться. Даже... если я позову – не ходи. Понял?

Тенгере кивнул изо всех сил.

Зикер ободряюще улыбнулся, и они двинулись в обход площади.

Неподвижная статуя мага дрогнула, повернула голову и посмотрела им вслед. Уголки губ Мага Смерти дернулись, словно бы в попытке улыбнуться – но он явно не умел этого делать или разучился за ненадобностью. Поэтому он просто моргнул, после чего принял прежнюю позу.

Яркое солнце играло драгоценными камнями на рукояти его меча, воткнутого в самое сердце.

Когда дорога и ночь, когда огромные звезды, а большие деревья по обочинам о чем-то шепчут – далеко можно ушагать. Особенно если за спиной остался первый маленький подвиг, самая настоящая, твоя собственная победа, и ты вдруг понял, что все те большие и сильные люди, которых ты всю жизнь боялся – вот они... толкни и нету... особенно если сид наконец разбит на мелкие кусочки-щепочки, и ты понимаешь, что больше *никогда* ... и нет никакой вины – только свобода. Подвиги – легкая ноша, с ними хорошо шагать. Курт и сам не заметил, как лесистая равнина сменилась холмистой возвышенностью, а когда грянул рассвет, он уви-

дел перед собой горы, о которых только слышал, но никогда до них не добирался.

– Горы! – восхищенно сообщил он окружающему миру – зданью так, словно давал им это имя.

Курт немного постоял, любуясь, а потом, отыскав тропку, двинулся вверх. Ну, настроение настроением, а пока он залез на перевал, устал изрядно, есть захотелось до одури... да и сумерки опять засобирались, солнышко уже краем зачерпнуло землю, и в долинах вовсю клубился вечерний туман. Видимо, от усталости он и не заметил, на что сел. А когда заметил – заорал и вскочил. Потому что это был труп.

На краю тропы, подмяв под себя жесткие кустики горного вереска, раскинув руки, ничком лежал воин в тяжелой даже с виду вороненой броне. Вот словно хотелось ему взлететь, и он даже руки, как крылья, распахнул, а силы взлететь не хватило... да так и умер от усилий.

Кто знает, что случилось бы с тем, прежним Куртом, оказался он в подобной ситуации. Он просто не мог в ней оказаться. А этот новый Курт быстро огляделся по сторонам и обнаружил, что его угораздило устроиться отдохнуть на окраине недавно отгремевшей жестокой сечи. То здесь, то там валялись страшно изрубленные тела воинов, сломанные мечи и копья, трупы лошадей, продырявленные щиты, втоптаные в грязь плащи, кое-где из убитых хищно торчали длинноперые стрелы, местами земля была выжжена магическим огнем, и мрачный дух смерти витал над этим местом.

И еще одно понял Курт – схватка была совсем недавно. Даже еще живой кто-то остался. Совсем недалеко, за новым поворотом горной тропки, протяжно пели и плакали два голоса.

– Быть может, там нужна моя помощь! – тряхнув головой, сказал теперешний Курт и шагнул вперед.

На открывшейся поляне в окружении груды трупов сидел высокий седой воин с большими белыми усами. В груди его торчала невероятная, мерцающая голубоватым светом стрела. Казалось, она вся состояла из этого света, но рана тем не менее была реальной, и... Курт был уверен – с такими ранами не живут. Ну просто кошмарная дырка!

Незнакомый воин тем не менее жил, да еще и пел, причем двумя голосами сразу.

«Наверно, это от раны», – решил Курт. – «Что-нибудь с дыхалкой, вот и возник такой странный эффект. Но почему он вообще жив?»

– Потому что я маг, мальчик мой, – пояснил поющий и заплакал.

– А... ты... чего плачешь-то? – тупо спросил Курт и тут же мысленно выругал себя ослом: «Тебе бы такую хреновину в грудь воткнуть, еще и не так заплакал бы, идиот!»

– Да нет, мне не больно, – улыбнулся маг. – Понимаешь, я уже умер, и боль умерла вместе со мной.

– Ага... я заметил... ну, конечно... – ошарашено бормотал Курт, старательно роясь в закоулках собственного сознания на предмет отыскания там столь необходимого ему по-

нимания. Увы – то ли сегодня был неурожайный день, то ли зверя с таким именем в сознании Курта никогда не вошло, а только он ничегошеньки не понял. – Вы умерли... боль умерла... все нормально, не беспокойтесь, со мной такое каждый день происходит, – продолжал бормотать он. – Все это мне понятно, ну а поете-то вы чего?!

– Все мои соратники погибли, – сказал маг. – Враги тоже мертвы. И те и другие нуждаются в отпевании и в оплакивании. Я задержался на Пороге, чтобы свершить последний обряд по друзьям и по врагам. Теперь между теми и другими нет разницы, ибо смерть уравнила нас всех.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Курт. – Можно ведь, наверное, вас как-нибудь вылечить?

Курт и сам не знал, почему он вдруг решил предложить помощь. Просто ему стало невероятно жаль этого человека, еще живого, но уже мертвого. Он припомнил убитого наемника и подумал, что трупы все-таки бывают разные.

– От смерти не лечат, – сказал маг – Я мертв. Не забывай это. Меня удерживает только магия. Стоит мне сказать ключевое слово, и щит рухнет.

– Так не рушьте его, – сказал Курт, немного растерянный оттого, что маг – такой мудрый! – не смог сам найти единственно правильное и такое простое решение.

– А как же тогда? – удивился маг, повергая Курта в шок своей внезапной несообразительностью.

«Стукнули, видать, по голове беднягу, мечом там или за-

клинанием каким!» – смекнул он. – «Вот и не может сообщить, а все так просто.»

– А вот так и живите, со щитом, – старательно, как маленькому, объяснил магу Курт.

– Нельзя так, – примерно в том же тоне ответил маг. – Прячущийся от смерти за щитом постепенно теряет человеческие качества. Становится хитрым, коварным, безжалостным, начинает бояться серебра и солнечного света. А потом он и вовсе утрачивает человеческий облик, превращаясь в некое загадочное чудовище, которому для поддержания жизни постоянно требуется человеческая кровь. Я не хочу становиться таким существом. Про них известно, что они полностью находятся под властью тьмы, потому что черная магия составляет их вторую плоть, а я всю свою жизнь посвятил борьбе с черной магией. Нет уж, этот путь не для меня.

– Значит, вы вот так просто, за здорово живешь, и окочуритесь? – потрясенно выдохнул Курт.

– Думаю, это наилучший выход, – устало вздохнул маг. – Друзья и без того уже заждались меня за Порогом. Но есть одно дело, которое меня еще держит.

– Какое? – спросил Курт. – Может, я чем помочь могу?

– Не знаю, можешь ли... – протянул маг. – Расскажи о себе, а я и решу, можешь или нет.

– А... что вам про меня узнать-то хочется? – удивился Курт.

– А все! – рассмеялся маг, и стрела в его груди заколыха-

лась. – Расскажи все, только покороче – кто ты, откуда родом, чем занимаешься?

– А разве вы, маги, не все про всех знаете?

– Я мог бы узнать про тебя, прочитать твою жизнь как книгу, но на это нужны время и силы, а у меня... ты все время смотришь на эту штуку... – маг указал глазами на стрелу у себя в груди. – Она пьет меня капля за каплей. Еще немного и даже мой щит не выдержит. У меня нет времени что-то узнавать о тебе, так что расскажи сам – да поторопись.

Ну, разумеется, Курт рассказывал торопливо, сбивчиво и бестолково. Тем не менее маг его понял – все же не зря он был магом.

– Ясно, – кивнул он. – Ты, безусловно, не подходишь, но... поскольку никого другого все равно нет... будем считать это велением судьбы.

– Для чего это я не подхожу? – насторожился Курт. – Какой еще судьбы? Эй, я вовсе не уверен, что...

– Постарайся добраться в Джанхар, мальчик, – почти нежно сказал умирающий маг. – Это может оказаться важным. В конечном счете это может оказаться важнее всего остального. Кроме того, тебе там помогут.

– Джанхар! – воскликнул Курт. – При чем здесь Джанхар?! Я не собираюсь принимать участия в вашей войне.

– Ты остерегся рассказывать мне о том, что с тобой произошло у крепостной стены, однако, как ты сам изволил заметить – я все-таки маг, – проговорил умирающий. – Ты уже

начал свою войну, мальчик, и начал ее на нашей стороне. И сюда ты пришел не случайно, хоть никто и не планировал нашей встречи. Судьба решила так.

– Опять вы о судьбе! – недовольно проговорил Курт. Разговор перестал ему нравиться: снова его втягивали во что-то, от него не зависящее, опять лишали с таким трудом обретенной свободы. Конечно, этот маг не может его заставить. Вот сейчас маг умрет – и все. И никаких Джанхаров! Все его идеи и желания умрут вместе с ним. Он не сможет проверить, выполнил ли Курт свое обещание – кстати он и вовсе не обязан ничего обещать... и не будет ничего обещать.

Однако есть ведь такие слова, что хуже цепей – и не захочешь, а пообещаешь. А потом пойдешь и исполнишь. И все не потому, что тот, кто с тебя этого требует, обязательно маг – а просто... потому что черти бы его драли, мерзавца...

– Послушайте, я вовсе не... – начал Курт.

– Прости меня, если сможешь... – пробормотал маг, а потом вдруг швырнул в Курта свой магический посох, гаркнув. – Лови!!!

Курт машинально поймал здоровенную палку, и маг тут же умер.

– Проклятье! – завопил Курт, падая на землю.

Такой чудовищной боли он никогда не испытывал. Она просто не помещалась в нем, свешиваясь в разные стороны причудливыми лохмотьями. Лохмотья тоже болели. Ему казалось, что огромные раскаленные руки выкручивают его,

словно мокрое белье. Боль нарастала с каждым вдохом. Каждый раз ему казалось, что – все, что это предел, больней уже не будет, потому что просто некуда. И каждый раз он с ужасом убеждался в обратном. Больней может быть. Еще как может! И так может и этак, а еще и вот так!

– Проклятье! – вопил кто-то рядом, словно бы подражая Курту.

Курт поискал глазами источник звука.

Вокруг – ничего.

Зато рядом...

В руках Курта змеей извивался посох. Вопил он ничуть не хуже – видать, ему тоже приходилось несладко.

«Так вот кто пел и плакал вторым голосом», – отрешенно подумал некто внутри Курта. Сам Курт ничего такого думать не мог. Он был ужасно занят: вопил...

Казалось, прошла вечность прежде, чем боль спала, сменившись тупым, дергающим зудом.

– Что это было? – глотая слезы, хрипло прошептал Курт.

Посох дернулся, словно его укусили – и Курт услышал в ответ такой чудовищный набор ругательств, что выступление давешнего, ныне покойного наемника показалось ему чем-то вполне милым и домашним.

– Послушай, ты чего так разошелся? – едва ворочая языком, Курт все же попытался урезонить разошедшуюся деревяшку.

– Да что ты понимаешь, ты... – и посох выплеснул на

него смесь ругани, магических терминов, невероятных, просто запредельных оскорблений и откровенной чепухи.

– Послушай, ты действительно уверен что я – это все то, о чем ты говоришь? – Курт попытался воззвать к здравому смыслу. В самом деле – того, что здесь наболтало это «говорящее дерево», попросту не бывает.

Посох ответил оскорбительно звучащим иностранным словом. Курт тяжело вздохнул и постучал его костяшкой согнутого пальца по набалдашнику.

– Ты – псих, – убежденно сообщил он посоху. – Но я тебя понимаю. В конце концов, у тебя хозяин погиб и все такое...

– Хозяин!!! – завизжал посох – Хозяин!!!

Теперь он и вовсе не стеснял себя в выражениях. Услышав его, покраснел бы даже держатель притона. Монолог был длинным. Очень длинным. В конце концов Курту попросту надоело. В конце концов все утрачивает свою новизну и прелесть – даже площадная ругань.

– Погоди-ка... – сказал он посоху. – Если ты и дальше собираешься беседовать сам с собой, я, пожалуй, пойду. Где тебе будет удобнее лежать?

– Лежать!!! – завопил посох. – Пойдешь?!! Так ты что – ничего не понял, глупая деревенщина?!!

– Сам ты дерево... – обиделся Курт. – Объяснишь толком, так пойму.

– Он же меня тебе ПЕРЕДАЛ!!! – проревел посох таким утробным голосом, что Курта всего сотрясла тяжкая вибра-

ция.

– Ох... – только и выдохнул Курт. – С тобой решительно невозможно иметь дело. Еще недавно я не верил в существование говорящих посохов – теперь же я не верю, что хоть что-то под этим небом способно заставить тебя заткнуться! Наверно, нужно быть магом, чтобы достичь подобного чуда? В любом случае, я никакой не маг. Так что я оставлю свершение этого подвига кому-нибудь, кто действительно может его свершить, а сам...

– Ну, попробуй, если охота, положи меня и уйди, – вкрадчиво предложил посох. – Вот возьми и попробуй...

– Куда тебя положить? – спросил Курт.

– Куда хочешь, – усмехнулся посох. – Ты все равно вернешься, так что без разницы. В лужу не клади, идиот, я ведь живой все-таки.

Курт положил посох на здоровенный плоский камень и, опасливо оглядываясь, двинулся прочь. Не успел он сделать и пяти шагов, как его опять скрутила невероятная боль. С каждым следующим шагом она становилась все сильнее, все невыносимее. Курт сделал шаг назад. Боль уменьшилась. Еще шаг... еще меньше...

Курт повернулся и со всех ног побежал обратно. Когда он схватил посох, боль исчезла.

– Как ты там называл своего Хозяина? – тяжело дыша, вытолкнул он – Повтори, пожалуйста...

Посох повторил охотно и с удовольствием. Курт сидел и

слушал его с блаженной улыбкой на лице.

Высказывался посох долго. Очень долго. Тем более, что запас ругательств у него был преизрядный. Некоторых выражений Курт и не слыхивал-то отродясь. Ну еще бы! Сколько лет ему – а сколько посоху. Эта деревяшка, небось, если и не сотворение мира, то уж первого человека помнит наверняка. Вот и было ему когда поднаостриться. Ну ничего, Курт тоже научится. С таким-то собеседником! Ишь, какие пассажи закладывает! Один к одному, один лучше другого – да так напевно, что поневоле заслушаешься.

Курт и заслушался.

Он просто устал – очень устал. А в каком ином состоянии можно присесть отдохнуть на труп? Притом же ведь и отдохнуть не получилось. Сначала маг этот распелся – чтоб ему на том свете икалось! А потом Курта окатило такой немислимой болью... а теперь трупа нет, и мага нет, и боли нет – только усталость. И колыбельную посох выводит такую славную... Вот усталость и взяла свое.

Усталость взяла свое, и Курт заснул под самую что ни на есть приятную, а лучше даже сказать, приятнейшую музыку в мире – целиком и полностью одобряемую ругань по адресу целиком и полностью неодобряемого человека. Может, когда-нибудь он и простит мерзкому магу его сумасшедшую выходку... но не сейчас. Никак не сейчас. Даже не просите.

Однако просили. Чужие, резкие голоса... посох дернулся

в руках, и Курт вскочил раньше, чем понял, что это уже не сон. Среди мертвых были живые, их появление Курт прозевал и теперь понимал только одно – эти неизвестно откуда взявшиеся воины очень хотят сделать мертвым его самого.

Сверкнула острая разящая сталь, Курт вскинул руку с посохом и каким-то чудом сумел парировать удар. Воин замахнулся снова. Остальные поспешно спрыгивали с коней. Внезапно темнота раздалась, и на поляну вылетел еще один всадник.

– Прекратить! – прозвучал резкий, властный голос. – Живьем его. Вы что, не видите – он сумел подобрать посох! Такие люди нам нужны.

По тому, каким голосом неведомый начальник всадников признал полезность Курта, тот понял – лучше оказаться мертвым, чем полезным этому человеку. А потому он, не особо раздумывая, подскочил к нападшему на него первым воину и с размаху огрел его посохом по башке. Тупо хрюкнув, тот свалился в траву, а Курт со всех ног кинулся бежать.

– Это те самые, что напали на наш отряд, – сообщил посох. – Те, что убили хозяина...

– С ними тоже маг? – на бегу пробормотал Курт.

– Нет, – ответил посох. – Не было у них мага. Я потом объясню, как хозяина убили...

"Если у нас будет это самое «потом», – угрюмо подумал Курт. – «Не так легко убежать от опытных воинов. В городе убежал бы, пожалуй – а здесь?»

Увы, бежали они недолго. То, что Курту показалось тропой, закончилось тупиком. Со всех сторон нависали скалы. Никакого хода не было. Он обернулся и увидел подбегающих преследователей. Посох вздохнул и тихо, безнадежно выругался.

– Ну вот... зачем он меня тебе передал? Лучше бы просто на землю бросил. Может, меня маг бы какой нашел... Ни тебя, ни меня бы эти мерзавцы тогда не тронули. Меня бы просто не заметили, а с тебя что взять – обыкновенный бродяжка... таких по военному времени – море... – грустно сказал посох.

– А ты не можешь что-нибудь магическое на них наслать? – спросил Курт. – Ну, хоть напугать их, что ли?

– Будь ты магом или даже учеником... – печально промолвил посох. – Если б я мог что-то сам по себе я был бы магом, а не посохом.

Курт посмотрел на него и увидел свежие зарубки на древнем дереве.

– Вот, – усмехнулся посох. – Меня покалечили, словно обычную палку.

– Причем по моей вине, – угрюмо заметил Курт.

– Не унывай, тебе сейчас тоже достанется, – обнадежил посох

– Спасибо, – улыбнулся Курт, чувствуя к своему новому знакомому огромную симпатию. Может, это и была древнейшая вещь на свете, но она совершенно не задавалась. С ней

вполне можно было иметь дело.

Однако наличие неотвратимо надвигающихся преследователей вызывало некоторые сомнения в возможности каких бы то ни было дел в дальнейшем. Впереди всех бежал тот воин, которого Курт свалил ударом посоха. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Ну, что делать будем? – перепуганно спросил Курт, лихорадочно шаря глазами в поисках спасения.

– Терпеть... – покоряясь судьбе, проговорил посох. – Авось не разнесут на щепочки...

Теперь преследователи уже не бежали. Они надвигались неторопливо. Зачем спешить? Жертве все равно никуда не деться.

– Сдавайся, мальчишка, – опять резанул из темноты властный голос. – Сдавайся, мы сохраним тебе жизнь.

– Эх, если б еще хоть чуточку стемнело... – пробормотал Курт.

– Пустое, – мягко заметил посох. – Это ж разведчики, видят в темноте почище кошек.

– На колени! – злобно выдохнул стукнутый воин. – Брось посох и вытяни руки перед собой.

При мысли о боли, которая впоследствии, стоит ему выпустить посох из рук, Курту стало нехорошо. «А вдруг эти идиоты уволокут меня прочь, а его здесь бросят?» – мелькнула ужасающая мысль. – «Я ведь умру, просто умру от боли, такого ни одному человеку не вынести. Проклятый маг. Нуж-

но им объяснить... объяснить... Только бы поверили...»

– Послушайте, я не могу бросить посох, дело в том, что... – начал он – но воин не пожелал его слушать.

– На колени, кому сказано! – взревел он. – Брось свою палку и благодари Богов, что тебя приказано взять живым.

Незадачливый наемник совершил очередную промашку. Курт мало чего боялся так же сильно, как боли от расставания с посохом – а то, что его не пожелали слушать, и значит, он не сможет ничего объяснить, подвигло его к самым решительным действиям. Курт послушно упал на колени – а потом неожиданно и резко ткнул воина посохом между ног. Взыв, тот ухватился за обиженное место. Кто – то из его товарищей сдержанно фыркнул.

– Взять его! – вновь раздался голос из темноты.

И тут ответным эхом громыхнул голос с небес.

– Молодец, малыш, – прогрехотал небожитель. – Так их! Ишь, какие – скопом на одного лезут! Ничего, не унывай, сейчас я спущусь – помогу.

– Везет тебе, парень, – ехидно прокомментировал посох. – Ты своих Богов, небось, и помянуть не успел – а они, видишь, сами отзываются.

– За меня помянули, – в тон ему отозвался Курт.

Голос с небес говорил на каком-то странном, архаичном наречии. Это был родной язык Курта – но слова какие-то замшелые, словно древний боевой доспех, покрывшийся тридевятой плесенью. Наемников Курт понимал го-

раздо лучше. Ну еще бы. Это был современный ему язык королевства Рон, обильно пересыпанный словечками степняков, одобренный северным говором и некоторыми жаргонными фразами, понятными на любом языке. Курт отлично разбирался в этом способе выражать свои мысли, равно как и их отсутствие, а также в дюжине других языков. Как и все дети, выросшие на улице, Курт был природным полиглотом и абсолютно не придавал этому значения. Ну, не считалось это тогда образованием. Не считалось, и все. Просто люди так умели. Поймите же: только в наш просвещенный, образованный век дюжина языков – это круто. А в те темные, забитые времена никто этому не удивлялся – просто не уметь этого было равносильно отсутствию ноги или носа... никто, конечно, калеку винить не будет, но жаль бедолагу неимоверно...

А вот небожителя Курт понимал с трудом – и то исключительно благодаря своим попыткам сделаться менестрелем. Если бы он не пытался освоить тот круг старинных баллад, то вряд ли бы понял хоть одно слово.

«Бог мне попался какой-то заплесневелый», – подумал Курт. – «Небось проспал все это время... с тех самых пор, когда баллады слагались и аж до сегодня – а теперь проснулся и развлечься захотел. Взял бы их всех да молнией испепелил – так нет же! Сам, дескать, спущусь и помогу. Да пока ты спустишься, меня на клочки разорвут!»

Внезапно перед его глазами мелькнуло нечто, вполне упо-

добясь той молнии, о которой он мечтал – и разъяренное лицо наемника, уже почти добравшегося до него, закрыла чья-то мощная спина в белоснежно светящемся плаще. Взвизгнув, наемник отлетел назад. Судя по звуку, небожитель ответил ему оплеуху. Рука у него была не иначе как божественно тяжелой – отлетая, несчастный наемник повалил троих своих товарищей.

– Вы это что, а?! – прогудел возмущенный бас на древнем наречии. – Вы это зачем столько человек на одного?! Мальчик и так поднял прутик. Тяжелый прутик. Не по своим силам.

Командир отряда наемников, видать, недаром ел свой хлеб. Древнее наречие Денгера он знал если и не в совершенстве, то во вполне достаточном объеме, чтобы достойно ответить внезапному агрессору. Кроме того, он за считанные мгновения сумел оценить мастерство неожиданно возникшего перед ним бойца и понял, что никто из его людей не выстоит в поединке с этим невероятным воином. "Ни один дольше трех ударов не продержится, " – с ужасом уразумел командир. – «Он перебьет всех нас, даже если скопом кинуться!»

В отличие от Курта, командир наемников ни на миг не поверил в божественное происхождение незнакомца – тем более что он видел его в лицо, тогда как Курт созерцал спину. "Победить нельзя – стало быть, лучше всего решить дело миром, " – подумал командир наемников. – «Отряд и так уже

обескровлен предыдущей схваткой. Не такая важная птица этот парень, чтоб из за него все мои люди гибли.»

– Просим прощения, уважаемый, – трудно подбирая слова, проскрежетал он из тьмы. – Мы никак не хотели вас обеспокоить. Ошибка вышла. Вы уж простите нашу глупость. Мы... мы отказываемся от наших... м-м-м... притязаний. Негоже таким неопытным солдатам, как мы, спорить с таким великим воином, как вы. Мы... уходим. Еще раз нижайше просим прощения. Отход! – скомандовал он своим. – Шевелитесь, кретины!

– Прости, командир, но ведь у сопляка... – негромко начал один из его людей.

– Плевать на него! Отход! – прошипел командир наемников.

И тут небожитель громко раскатисто расхохотался.

– Уходить?! – взревел он. – Куда уходить?! Я вас не отпускал! Нет, голубчики – такие, как вы, от меня уходят только после хорошей трапезы. А кормлю я обычно досыта. Точней, до смерти. Холодной сталью. Слыхали про такую закуску?

– Мы ничего вам не сделали, господин, – возразил командир наемников. – И тут же, по вашему первому требованию, оставили в покое этого достойного юношу.

– Достаточно того, что вы здесь, на чужой земле и с оружием в руках. Кроме того, что-то подсказывает мне, что всех людей здесь убили именно ваши солдаты.

– Это был честный бой.

– Ну, если считать, что трое на одного – честно... тогда, конечно, да... Но только вам не повезло – я так не считаю.

– Наших тоже много полегло, – заметил командир наемников.

– Мне так не кажется, – язвительно усмехнулся небожитель.

– Да чего мы с ним церемонимся?! – возмутился какой-то наемник. – Грохнем этого деда – и всех дел.

– Молчи, сволочь, – тускло прошипел командир наемников. – Молчи, если жить охота! Он один нас всех грохнет и даже не вспотеет...

– Ну, кажись, поговорили... – усмехнулся небожитель. – Пора вас убивать, господа. Есть возражения?

– Мы сдаемся, господин... – голос командира наемников предательски дрогнул. – Яви... яви свое милостивое великодушие... пощади...

– Милостивое великодушие? – переспросил небожитель. – Боюсь, вам крупно не повезло, господа. Вчера я его где-то позабыл – вы уж простите старика, память подводит...

– Мы все просим пощады... – от волнения голос командира наемников стал хриплым. – Нет доблести для великого воина... терзать столь убогую добычу как мы...

– Уговорили, – усмехнулся небожитель. – Хорошо. Не буду терзать. Я убью вас быстро.

– Да вы все с ума посходили! – не выдержав, гаркнул один из наемников. – Сдаваться?! Кому? Этому?! Ишь чего!! Да

я этого деда одним ударом сейчас сделаю!

Растолкав товарищей, он стремительно бросился вперед. Тусклой тенью мелькнул его меч. У Курта перехватило дыхание от ужаса: чудовищный в своей силе удар казался неминуемым. Небожитель тихо рассмеялся, а потом резко хлопнул в ладоши.

Мягко дрогнула земля. Где-то недалеко с гор покатались камни. Меч в руках наемника протестующе звякнул и распался металлическим крошечком. Распался за миг до удара, так и не достигнув цели.

Икнув от ужаса, наемник дрожащей рукой поднес к самому своему носу то, что осталось от его, еще недавно такого грозного, меча – рукоять... рукоять с обломком лезвия. Его расширенные глаза онемело уставились на место разлома. Казалось, он просто не в силах осознать происшедшее.

– Вот я тебя по лбу щелкну – и умрешь... – ласково сказал небожитель. И помедлив, добавил. – На место. Умрешь, когда я скажу. Не спеши, подожди остальных.

Наемник осел и уполз, слабо поскуливая.

– И что – вот так всех нас и перережешь как баранов?! – разъярившись, проревел командир наемников. – Вот так и перережешь, да?!

– Я могу, – спокойно сказал небожитель. – Вы не кажется мне людьми – скорей, какой-то новой разновидностью животных, но... я разрешу вам защищаться, хотя и не вижу для вас в том никакого смысла. Разве что вам так будет при-

ятнее. Хорошо. Я решил. Можете защищаться.

– Убейте его!!! – завизжал окончательно взбесившийся командир наемников – и отряд разведчиков королевства Рон бросился в свою последнюю, безнадежную атаку.

Небожитель быстро протянул руку себе за спину и, ухватив Курта за плащ, одним рывком усадил его на землю. Курт даже охнуть не успел. Едва наемники бросились вперед, как его тут же сграбастала могучая рука небожителя – а в следующий миг его задница уже соприкоснулась с твердью земной, причем весьма чувствительно.

Небожитель шагнул вперед, навстречу наемникам, и выхватив из своей прически длинные боевые иглы, принялся метать их в набегающего врага короткими, точными движениями кистей обеих рук. Курт невольно залюбовался его движениями. Такого он еще не видел. Во всем этом была странная завораживающая красота. Вопящие и размахивающие мечами наемники казались комками грязи, пытающимися облепить молнию. Они казались комарами, пытающимися искушать солнце. Метательные иглы одна за другой находили цель. Не раздалось ни одного стога. Тот, в кого попадала игла, умирал мгновенно.

– Хороший яд! – самого себя похвалил небожитель. – Недаром старался. Тридцать лет травы собирал.

Наконец все боевые иглы покинули волосы, и хитроумно уложенная прическа распалась. Роскошные седые локоны рассыпались по плечам. Они спускались, достигали пояса

и текли дальше, почти до самой земли. Последняя игла нашла свою жертву – особо негармонично визжащий наемник вдруг замолчал и отправился к демонам, дабы и они могли насладиться красотами его вокального таланта. А небожитель остался с голыми руками против десятка вооруженных и до смерти перепуганных наемников.

Ну, тут Курт малость перепугался – а наемники, напротив, обрадовались. И заторопились, желая разом покончить со столь опасным противником. Они окружили его со всех сторон, и... небожитель резко взмахнул головой – и его волосы вдруг превратились в смертоносный боевой веер, ветром развернувшийся вокруг его головы.

Словно смертоносная коса прошла по наемникам. Всего трое остались в живых и кинулись бежать.

Небожитель трижды хлопнул в ладоши. Вновь мягко дрогнула земля, где-то произошел небольшой камнепад – а убегающие воины... три тела лопнули со странным неестественным звуком, лопнули и рухнули на камни.

Курт предпочел не смотреть на то, что с ними случилось. На его счастье, было уже почти темно. В такое время нетрудно не видеть того, чего видеть не хочется.

– Остается большой начальник, – заметил небожитель. – Убежал, как все начальники делают. Ничего. Догнать можно. Я покажу.

Нагнувшись, он что-то подобрал, а подобрав, сунул Курту под нос.

– Маленький камешек, – пояснил он, хотя это было и так видно. – Маленький камешек может делать большие дела.

Его рука со свистом размазалась в воздухе, и через мгновение где-то в горах раздался крик.

– Главное – вовремя лишить врага равновесия, – наставительно заметил небожитель. – Остальное враг делает сам.

Жуткий крик оборвался.

– Кстати, у этого начальника вовсе не такой противный голос, как это показалось вначале, – задумчиво проговорил небожитель. – Перед смертью он пел совсем неплохо. Видно, раньше его голосу не хватало искренности. А когда он понял свою смерть – тогда и запел, как должно. Небожитель повернулся к скорчившемуся на земле Курту, и сквозь ступившиеся сумерки, Курт увидел что он улыбается.

– Тебя как зовут? – спросило божество.

– Курт, – ответил Курт. – А вы... бог?

– Бог? – удивился небожитель. – Почему ты так решил, малыш?

– Ну... вы же спустились с неба. А те, кто там живет – боги, разве не так?

– Я спрыгнул со скалы, – пожал плечами «небожитель».

– Со скалы?! – ахнул Курт.

– Высоковато, согласен, но у меня не было времени идти в обход. Они бы до тебя добрались. Пришлось рискнуть. Я не бог. Я – отшельник.

– Но как вы их всех победили, это... – Курту трудно бы-

ло сразу расстаться с идеей божественности – слишком уж необычными способностями владел встреченный им незнакомец.

– Я хороший воин, малыш, – пояснил тот. – Просто хороший воин. Старый – что немало для того, кто понимает, что такое старость и как ее правильно использовать. Опытный и битый во многих битвах. Я давно смотрю на мир. Много видел.

– Так вы – обыкновенный человек! – воскликнул Курт. – Такой же, как я?!

– Это ты-то – человек? – удивился отшельник – Скажешь тоже!

– А что? – Курт даже обиделся немного. Он конечно, не способен вот так, походя, справиться с отрядом наемников – но это не повод заявлять, что он и не человек вовсе.

– Да то, что ты маг, у тебя на лбу написано, – усмехнулся отшельник. – Причем такими громадными буквами, что прочитает даже неграмотный.

– Разрешите вмешаться, уважаемый, – ехидно проговорил до сих пор молчавший посох. – Как раз у этого парня на лбу написано, что он не маг и магом никогда не станет, что является большим горем для меня, поскольку меня ему ПЕРЕДАЛИ. Мой бывший хозяин перед смертью сошел с ума, не иначе...

Отшельник с обалдением вытаращился на посох.

– Так ты еще и говорящий? – поразился он. – Слышал про

такое. Но не видел. Ни разу не видел.

– О, простите великодушно! – воскликнул посох. – Я позабыл поздороваться и представиться. И поблагодарить забыл. Нынче ночью все наперекосяк. Ну, абсолютно все.

– Положим, я тоже позабыл поздороваться и представиться, – с улыбкой в голосе заметил отшельник. – Ничего. Поправим. Но – не здесь. Ночные странствия в горах – опасная штука для новичков, даже если им и не грозят враги. Я приглашаю вас в свое жилище. Там и поговорим.

– Хорошо, – сказал Курт. – Ведите нас.

И они отправились в путь, осторожно нащупывая ногами тропу. Уже совсем стемнело, и следовало проявлять осторожность. Всю дорогу Курта не покидало ощущение, что посох тоже идет с ним рядом, идет, как человек. Курт потряс головой, отгоняя бредовое видение, и крепче стиснул посох в руке. Да вот же он. Здесь, со мной.

– Горы порой вытворяют странные штуки с человеком, – обернувшись заметил отшельник. – Потому я и не хотел вас отпускать ночью. Ночью они особенно сильны. Впрочем, мы уже пришли... – перебил он себя. – Прошу, входите.

Отшельник привел их в симпатичную небольшую пещерку. Мягкая тишина и запахи трав.

– Садись вон туда, в угол, – скомандовал он. – Отдыхай. День был трудный.

Немного повозившись, он зажег небольшой очаг и самодельный масляный светильник. Когда отсветы огня легкими

облаками заскользили по лицам, а тени улеглись в углах, как сытые послушные псины, отшельник поднял глаза на Курта и сказал:

– Я люблю болтать за едой, а ты?

– Никогда не отказывался, – ответил Курт.

– А я вообще люблю болтать! – объявил посох.

– Вот и отлично, – проговорил отшельник. – У меня есть жареное мясо, мед и дикий чеснок. Я приготовлю травяной отвар, тогда и поговорим.

Отшельник занялся приготовлением ужина, а Курт, от нечего делать и чтоб не заснуть, принялся разглядывать его жилище. Больше всего было трав. Травы свисали с потолка; их густой пряный аромат казался чем-то вроде самой крупногабаритной мебели. Во всяком случае, даже королевский диван под балдахином вряд ли занял бы больше места, если бы вдруг оказался под сводами этого жилища. Впрочем, Курт никогда не видел королевского дивана, а значит, мог оказаться и не прав. Если потолок был почти целиком занят травами, и лишь в одном углу висело несколько копченых окороков, слегка напоминающих толстеньких летучих мышей, то полом и стенами безраздельно владели шкуры. Отшельник оказался хорошим охотником. То, на чем сидел Курт, тоже было шкурой. Мягкой, прекрасно выделанной шкурой.

" Да уж, пещера – штука холодная, а отшельник – человек немолодой, " – подумал Курт.

И ему опять вспомнился Облачный Всадник. Интересно, с чего бы?

— Ну, вот и готово, — услышал он довольный голос отшельника. — Прошу к столу.

Столom служил плоский широкий камень. Отшельник улыбался, как полководец перед битвой, а предметы для приятного употребления пищи выстроились на этом окаменевшем от времени полигоне, как немногочисленное но brave войско.

— Тебе чего — мяса, меду или сразу отвару? — спросил Курт у посоха.

— Я предпочитаю сумрак, — важно отозвался посох. — Серебристый, с фиолетовыми прожилками — кстати, не хочешь ли глоточек? — ехидно добавил он.

— Я не могу хотеть того, чего нет, — заметил Курт.

— Ты просто не видишь, — поддразнил посох.

— Ну, значит, я не могу хотеть того, чего не вижу, — сказал Курт.

— Это потому, что ты так грубо устроен, — насмешливо пояснил посох. — Я, по крайней мере, вижу ту гадость, которую ты называешь пищей.

Курт аж ахнул от неожиданности. Ну, надо же! Такая мудрая деревяшка — и такое ляпнуть!

Мгновением спустя посох также сообразил, что натворил, и бросился извиняться.

— Ох, уважаемый хозяин, я вовсе не хотел вас оскорбить,

простите меня, мой болтливый язык, как всегда...

— Кстати, меня всегда интересовало, а какой у посохов язык? — весело перебил его отшельник. — Ты не мог бы мне его показать, уважаемый?

— Это страшная тайна... — мрачно заметил посох. — Но для вас... ладно, я скажу, — он вздохнул, помолчал, видимо, собираясь с духом и промолвил. — Я — это и есть язык. Я весь целиком — один здоровенный язык.

— А все остальное? — вырвалось у Курта.

— А все остальное пребывает не в этом мире, — спокойно пояснил посох.

— Но как это может быть? — Курт был по настоящему ошарашен.

— Ты ведь пытался быть бардом, — сказал посох. — В те минуты... я знаю, у тебя были такие минуты... так вот, в те минуты, когда все получалось — где, по-твоему пребывал твой язык? Неужели в той заднице, которую гордо именуют «этот мир»?

— Но ведь ты пребываешь здесь постоянно. Как же твое... все остальное без тебя обходится?

— С точки зрения того мира, откуда я высовываюсь, здешний мир существует непостоянно, — спокойно сообщил посох.

— Как это? — ошеломленно потряс головой Курт.

— А вот так это, — усмехнулся посох.

— Я знаю, ты просто мстишь мне за предложение поужи-

нать, – вздохнул Курт. – Кто бы мог подумать... такая древняя, такая магическая, такая мудрая вещь – и такая мелкая месть, фу...

– Я всего лишь честно ответил на твой вопрос, – рассмеялся посох. – Ну какая же это месть? Нет уж, так легко ты не отделаешься, такие древние и волшебные вещи, как я, мстят совершенно по-страшному, так что ожидай и трепещи – возмездие грядет, и горе слабым. Да я тебе месяца два теперь лягушек в башмаки засовывать буду!

– И как ты, интересно, это проделаешь? – полюбопытствовал Курт.

– А я тебе не скажу, – отозвался посох. – Это будет дополнительной карой.

– Скорей уж основной, – фыркнул отшельник. – Лягушек в сапогах еще можно пережить, а вот не знать, откуда они там берутся...

– И все-таки я не понимаю... – проговорил Курт. – Как это может быть, чтобы мир то существовал, то не существовал...

– С мирами еще и не такое случается, – поведал посох.

– А почему никто не замечает этого... несуществования? – поинтересовался отшельник.

– А потому что замечать некому, – ответил посох. – Никого ведь при этом не существует. А снаружи – так даже очень заметно.

– Значит ты – это песня, просунутая из другого мира в наш, – задумчиво проговорил отшельник. – Забавно. Краси-

во.

– Невероятно, – закончил Курт.

– Чего только не бывает, – заметил отшельник. – Даже если это легенда, уважаемый посох... по крайней мере ты с лихвой искупил свою бестактность. Теперь мне будет о чем подумать долгими зимними вечерами, когда в голову не идут ни сон, ни стихи... А теперь давайте действительно представимся друг другу, а то мы так удачно отодвигаем эту забавную традицию, словно нам действительно есть, что скрывать.

– Ну, после всего что с нами сегодня произошло, было бы странно думать, что мы в разных лодках, – сказал посох. – Я начну, если не возражаете.

– Не возражаем, – сказал отшельник. – Право старшего на первое слово священно в этом доме, а ты, безусловно старше меня – я уж не говорю об этом достойном юноше.

– Имя мое, данное мне при рождении, великим шаманом Артадом Сюйгеном, звучит следующим образом: Анга Каум Да Эгинай Гох Туренар Лекле Лорма Мур Шуех Арамбур, – ехидно сообщил посох. – И не пытайтесь уверять меня, что вы его запомнили, или что вы от него в восторге – все равно не поверю. На самом деле этот Артад Сюйген был тот еще псих, теперь такие уже не водятся. А для друзей я просто – Мур. Мне кажется, так гораздо лучше.

– Да... – задумчиво проговорил отшельник. – Сюйген был тот еще типчик. Сам я его, конечно не застал, но дедушка мне рассказывал, что этот самый Сюйген здоров был в под-

питии винными кружками драться. А уж какими он словами при этом говорил, про то даже легенды не сохранились, потому как никакая легенда с такими словами не выживет. Отравится.

– Именно, – согласился посох. – В конце концов он и сам этими своими заклятиями отравился и умер. А меня подобрал Ашлатой Эленген – на тот момент главный маг при королевском дворе Джанхара. Так началась моя долгая служба джанхарской короне, которая прервалась сегодня в середине дня – на мой вкус немного неожиданно.

– Так значит... тот маг, что тебя мне передал... это и был великий Ашлатой Эленген? – удивленно спросил Курт. – Я столько баллад о нем слышал... Не думал, что встречу его... вот так... не думал... что он... такой... Вообще не думал, что он еще жив! Он ведь уже, ну... герой преданий, что ли...

– Реальность сильно отличается от песен, – заметил посох. – Но мой нынешний хозяин был вовсе не Ашлатой Эленген. Моего нынешнего хозяина звали Этерме Ларт, светлая память этому мерзавцу. Он все же был неплохим парнем, хотя и не успел удостоиться песен.

– Понятно... – протянул Курт. – Люди все же не живут так долго. Даже маги.

– Некоторые живут, – заметил посох.

– Например?

– Например, наш уважаемый хозяин, – сказал посох. – Он старше любого известного мне мага. Сам подумай – если его

дедушка знал еще Артада Сюйгена...

– Что ж, я действительно долго живу на свете, – спокойно подтвердил отшельник.

– И сейчас, уважаемый хозяин, твоя очередь рассказывать о себе, – добавил посох.

– С удовольствием, – усмехнулся отшельник. – Ко мне редко забредают интересные собеседники. Обычно тех, кто сюда попадает, больше всего интересуется как отсюда выбраться – так что если мне и удастся поговорить с людьми, то уж никак не о себе, а ведь я довольно интересный человек. Имя мое – Санга Аланда Линард.

– Ой... – сказал Курт.

– Чего-то в этом роде я и ожидал... – обронил посох.

– Вы... вы тот самый великий полководец, времен короля Хапара Арамбура и Священного Оннерского Союза! – восхищенно и недоверчиво воскликнул Курт. Он смотрел на сидящего перед ним человека, и ему хотелось ущипнуть себя.

Вот он, живехонький – герой настолько глубокой старины, что в нее уж не всякий и верит-то. Сидит рядом с Куртом на шкуре, попивает себе отварчик, руку протяни – дотронешься.

– Насчет собственного величия у меня сильные сомнения, – негромко заметил отшельник. – Никаких нимбов над своей головой я не замечал. Ни разу. И вообще, полководцу величия не полагается. Величие годится для надутых пустоголовых вельмож и зажавшихся жрецов. А война – штука

такая... на ней работать нужно. Сначала головой, потом телом. И духом, все время духом.

– Значит, все эти великие древние баллады из «Ожерелья Арамбура» посвящены вам? – все еще не веря, пробормотал Курт.

– Не знаю, – развел руками отшельник. – Их, верно потом придумали. Я вот ни одной не слышал...

– Ну как же! – воскликнул Курт – «Битва при Гедене», «Взятие Шутута», «Оборона Кесленга», «Поединок на Сау»... и особенно – «Исчезновение»!

– Особенно «Исчезновение», – фыркнул отшельник. – Тогда все решили, что я исчез. Многие даже думали, что меня убили враги. Да, какое-то время я еще интересовался делами внешнего мира, тогда меня очень позабавила возникшая паника. Пожалуй, это было именно то чего, я хотел. Это вернуло мне чувство душевного равновесия. Врагов у меня и в самом деле хватало, так что исчез я вполне правдоподобно. Без хвастовства замечу: Оннерский Союз – моя работа. Король Арамбур, конечно, был символом этого дела, на то он и король, чтоб быть символом, любому такому делу нужно знамя – но именно моя воля стояла за всеми решениями. Мы положили конец распространению Голорской Империи, а Княжество Анголок стало провинцией Брина. И магов там повывели. Все ихние Черные Ордена. Под корень. Все они меня ненавидели. Было за что.

– А теперь сердцевина бывшей Голорской Империи зовет-

ся королевством Рон, там опять черные маги, а Оннерско-го Союза нет, и один лишь Джанхар противостоит всей этой мерзости, – вставил посох.

– То-то эти гаденыши показались мне такими знакомыми, – задумчиво проговорил отшельник. – Я ведь, не раздумывая, принял вашу сторону.

– А почему вы так неожиданно исчезли тогда? – спросил Курт.

– Когда из воина и полководца начинают делать «великого», когда с него снимают шлем, чтобы надеть нимб, он должен исчезнуть, – сказал отшельник. – Исчезнуть, чтобы остаться. Мне хотелось убить всех этих придворных лизоблюдов, они только что в уши ко мне не лезли! Впрочем, вру – иногда пробовали. Оннерский Союз был установлен, войны окончены, и надолго. Я, в сущности, стал не нужен. Король увлекся утонченностью, и я начал раздражать его своими грубыми речами.

– Король был просто дурак! – воскликнул Курт. – Когда мы только встретились, вы говорили на языке своего времени, и я с трудом вас понимал – а теперь вы говорите со мной на моем языке, я понимаю каждое слово. И ведь я не заметил, когда это произошло.

– Я быстро приспосабливаюсь к языку собеседника, – кивнул отшельник. – Мне нравится, когда люди меня понимают, а я понимаю их. Короля не устраивало совсем другое.

– Что же?

– Я могу хорошо говорить, но всегда говорю то, что думаю. Короли не любят этого. Пока я был нужен – меня терпели, а потом... я не стал дожидаться ссылки, ее политические последствия могли вредно сказаться на деле всей моей жизни.

– Да уж... – вздохнул Курт.

– Споешь мне потом баллады про меня, – попросил отшельник. – Интересно же...

– Я плохой бард, – огорчился Курт. – Верней, совсем не бард, и сида у меня нет.

– Ничего. Не страшно, – промолвил отшельник. – Я давно не слышал, как поют люди – только ветер и птиц. А с балладами этими вот что еще интересно: все эти сражения я считал своими неудачами, проигрышами, бедой.

– Почему? – удивился Курт. – Разве вы не побеждали?

– Побеждал, – вздохнул отшельник. – Большой кровью. Это не те победы, которыми мне бы хотелось гордиться. У меня были другие... Солурга, Арам, Сибил, стояние у Анголока... Почему нет ни одной песни о моих настоящих победах? Обидно. Неужели победа, не политая ничьей кровью, даже в памяти людской победой не считается? Обидно. В Солурге не было ни одной жертвы. Арам мы захватили ночью. Погибло пятеро наших и трое врагов. Сибил – ни одной жертвы. Ангалок – одна жертва: вражеский полководец покончил с собой от досады и злости. Ни одной песни о том, как правильно побеждать.

– Смешная штука – история, – сказал посох.

– Всех бы этих историков... – вздохнул отшельник.

– Но если побеждать без жертв правильно, тогда зачем вы убили всех этих наемников? Они ведь обещали уйти, даже в плен просились. – Курт не мог удержаться от этого, как он сам вполне сознавал, бестактного, вопроса.

– Ну, конечно, в плен... – фыркнул отшельник. – Так я им и поверил... – и, немного помолчав, добавил. – Как полководец, я горжусь малой кровью своих побед, еще больше горжусь бескровными битвами. Глупый противник – не страшно. Страшно, когда умный. Умного без крови победишь – поймет, испугается, больше не полезет. Дурак полезет, конечно... ну так дурак – не страшно. Дурака бьешь – умные боятся. Так вот... как полководец, я горжусь такими победами. А как воин... Как воин я хорошо знаю, что нельзя оставлять поблизости от себя недобитого врага. Кроме того, я просто люблю убивать мерзавцев. Есть у меня такая слабость. Но ведь я сразу предупредил, что слухи о моей святости сильно преувеличены.

– А как же так вышло, что вы столько прожили? – Курт наконец решил задать тот вопрос, который волновал его едва ли не больше всего остального. Не бывает ведь такого! Любой скажет, что не бывает. А вот надо же...

– А я со смертью поругался, – смущенно заявил отшельник. – Зашла она ко мне как-то поболтать, а я тогда только-только сюда перебрался и сильно переживал, честно го-

вора, свое «исчезновение». Поэтому нервы у меня были ни к черту. В общем, оскорбил я ее чем-то и даже сам не заметил. Она свое в ответ – а я еще пуще. И еще. Тогда она ужасно обиделась и сказала, что больше ко мне не придет. Совсем.

– Чего только не бывает... – пробормотал Курт.

– Могу открыть одну страшную тайну, – доверительно предложил ему посох.

– Какую еще тайну? – пробурчал Курт. – Я за сегодня узнал их столько, что скоро из ушей посыплются.

– Жизнь – удивительная штука, – торжественно сообщил посох. – Помня эту тайну, проще разобраться со всеми остальными. Кстати, сейчас твоя очередь рассказывать о себе, так что давай, не тяни.

– А со мной пока ничего такого не происходило, – сказал Курт. – В смысле – ничего настолько интересного не происходило, – поправился он. – Зовут меня, как я уже говорил, Куртом. Сколько себя помню, всю жизнь слонялся с отцом из города в город. Матери совсем не помню. Отец говорил только, что была красавица, но ничего не рассказывал, а после таких расспросов напивался по-страшному и бил меня как сумасшедший, так что я быстро перестал интересоваться этой темой. Она у меня и в самом деле больная: слишком мне за нее больно доставалось. Отец у меня был менестрелем. Одним из лучших. Он бывал принят при лучших королевских дворах, в домах знатнейших вельмож. Но ему нигде не удавалось задержаться надолго. Он сильно пил и любил

подражаться, причем пьяному ему было все равно, кого бить – хоть бы и самого короля. Я вообще удивляюсь, почему его не повесили. Наверное, все-таки удача... однако из-за своего характера и привычек он постоянно скитался, и вечно был без денег, если не просто по уши в долгах. Он пытался меня учить, но толку было мало, бардом я так и не стал. А здесь, в Денгере, в драке его убили, и я остался один. Поскольку ничему путному я так и не выучился, а такого взрослого в ученики уже не берут, я и придумал пристроиться зазывалой для нищих. Садился рядом с ними – играл и пел. Иногда нам подавали больше. Иногда давали по шее. По разному бывало. При этом я был вроде и не музыкант, вроде и не нищий. Ни в одну гильдию платить не надо было. Да я и не смог бы заплатить, мне едва-едва на еду и ночлежку хватало. А недавно я встал и ушел из города. Сам не знаю, что на меня накатило. Вот встал и ушел. То есть... не совсем сам, мне одна нищенка, моя «соседка по кружке» сказала, что уходить пора, что раз война, значит в городе плохо будет... но она предлагала идти в деревню, у нее там даже вроде кто-то был, а я вдруг решил – не знаю куда, но точно, что не в деревню. А когда этот умирающий маг сказал – Джанхар, я понял, что иду в Джанхар. А еще, пока я сюда добирался, я убил человека. Наемника. Он на меня напал, а я убил его и разбил свой сид о дерево, нарочно разбил, потому что так было правильно, – Курт облегченно вздохнул. Тяжело объяснять другим то, чего ты и сам не понимаешь.

– Ну, вот – а говоришь, с тобой ничего не происходит, – усмехнулся отшельник. – А на самом деле вон сколько уже всего произошло. Не на одну поэму хватит.

– Скажете тоже, – смутился Курт. – Кто ж о такой ерунде поэмы сочинять станет?

– Как человек, о котором уже кое-что сочинили, сообщу по секрету – поэмы всегда сочиняются о ерунде. Да еще и перевирают все небось для красоты, историки хреновы... – проворчал отшельник. – А что касается тебя – поверь мне, это только начало. Твоя магия просыпается в тебе.

– Да нет в нем никакой магии! – возмутился посох. – Уж я бы знал, если бы была хоть крошка, хоть щепоть.

– Не спеши, – сказал отшельник. – Всему свое время. Даром он тебя, что ли получил? Такие вещи просто так не случаются.

– Это просто недоразумение! – возмутился посох. – Трагическая ошибка.

– А знаешь ли ты, уважаемый, что когда на вас напали, я был сильно далеко от этого места, и никак не мог не то что прийти к вам на помощь, но даже и узнать что вы в этой помощи нуждаетесь, – промолвил отшельник. – Знаешь что, случилось потом?

– Что?

– Я оказался на скале. Прямо над вами. Летать я не обучен. Перемещаться в пространстве – тоже. Было что-то такое... вроде как звук рога. Далекий такой, будто из прошло-

го... Я так сразу тогда и подумал, что вот – молодой маг зовет на помощь.

– Невероятно, – объявил посох. – Почему же я ничего не ощущаю?

– Не знаю, – сказал отшельник. – Уж я-то точно не маг. Откуда мне знать?

А Курт вновь подумал про Всадника Облаков. Неужели тот и впрямь пришел ему на помощь?

Отшельник и посох долго еще спорили по поводу возможных магических способностей Курта, но он этого уже не слышал. Большое количество вкусной еды и усталость – лучшее снотворное всех миров, а рассказав о себе, он как бы выполнил на сегодня последний долг и мог спокойно покинуть этот мир и отправиться в причудливое странствие по мирам своих снов. Правда, в этот раз он был не один. Его сопровождал посох-оборотень, умеющий превращаться в кота и отзывающийся на кличку Мур, а также великий воин и полководец Санга Аланда Линард, который с легкостью поражал всех выползавших из сна тварей, метко бросая в них свой сияющий нимб. Больше всего Курта изумляло то, что нимб всегда возвращался обратно. А впереди скакал удивительный всадник, сотканный из теней и облаков. Он трубил в древний рог, воспетый в незапамятные годы позабытыми ныне менестрелями, и все сущее откликалось ему.

Внезапно надвинулось что-то темное и тяжелое. Курт задохнулся от ужаса. Тьма коснулась его руки так нежно, как

только мама... и тут же все исчезло...

Колдовство?

Курт проснулся от звуков, чудовищных как по форме, так и по содержанию. Была глубокая ночь, лишь слабо теплящийся очаг освещал пещеру. И под покровом этого мрака кто-то рождал звук. Звук был такой, словно протаскивали заржавевшего удава сквозь игольное ушко, а тот при этом страшно сопротивлялся и вопил.

– Что это? – с трудом разлепив губы, хрипло пробормотал Курт. – Кто это?

– Я это! – раздался довольный голос посоха.

– А... что ты делаешь? – потрясенно вымолвил Курт.

– Пою, – гордо ответил посох, и чудовищный звук возобновился.

– Поешь! – завопил Курт. – Прекрати немедленно!

Пение смолкло.

– Между прочим, это те самые баллады, которые обещал спеть ты, – обиженно заявил посох. – Обещал, а потом зашнул. Вот я и стараюсь. За тебя стараюсь, между прочим, так что нечего орать на меня.

– Послушай, Мур, – пробурчал Курт. – Я извиняюсь, конечно, но... я не знаю, как твой голос звучит в том мире где ты весь – но здесь, у нас, это просто чудовищно. Спросонья мне показалось, что кого-то пытаются или казнят.

– Ну, так возьми и сам спой! – обиделся посох. – Все равно ведь проснулся.

– Я сейчас приготовлю еще отвару, – раздался голос отшельника. – Пригодится горло промочить со сна.

Отшельник завозился у очага, и повеселевшее пламя принялось отплясывать причудливый танец с его громадной шороховатой тенью.

– Ну, вот и готово, – сказал отшельник. – Держи свою кружку.

...А потом Курт пел. Так хорошо, как никогда прежде. Отшельник и посох подтягивали старательно и неумело. Их голоса плясали, как бумажные шарики на ниточках.

– Ну, не знаю, что там не понравилось разным высокоученым бардам, – сказал отшельник, когда Курт остановился, чтобы передохнуть. – А мне так даже очень нравится. Давай еще, парень. Молодец!

И Курт пел. Он спел все древние баллады, какие знал. Потом пришел черед современных песен. Наконец, когда он уже порядком устал, отшельник заметил, что вот теперь-то пора бы и поспать. С тем и легли.

Ночь шла своим чередом. Такая же, как всегда. На небе горели все те же звезды. Ночи было абсолютно наплевать, что под ее покровом на светлое королевство Джанхар волна за волной накатываются несметные полчища мрачного королевства Рон. Ночи не было никакого дела до людей, до их великих сражений и прочих мелких трагедий. Ей не было дела – но это не значит, что она была равнодушна. Просто у нее были дела поважней.

И в этой ночи луна светила, как некий чудовищный глаз, и рядом даже вроде бы второй угадывался. Он и приоткрылся было – на миг приоткрылся, да вдруг сообразил, что творит недолжное и закрылся вновь. Рябь пробежала по миру так, словно бы он был нарисован на воде или просто был отражением чего-то более реального. Мир закачался, как занавеска, задетая неловкой рукой, и где-то там, с той стороны послышались тяжелые удаляющиеся шаги...

Утро Курт проспал. Когда он продрал глаза, отшельник и посох уже всю беседовали. У этих двоих обнаружилось множество общих воспоминаний. И недаром. Оба они были невероятно древними и кое-что, что помнилось им въяве, для всех остальных было загадочной древней историей, которая то ли была, то ли вовсе ее не было.

– Я проснулся, – сообщил Курт, терпеливо дослушав до конца описание какой-то битвы, в которой оба великих героя принимали участие.

– Это хорошо, – тут же отозвался Мур. – А то я уж испугался, что ты до завтра будешь спать.

– А вот не надо было меня будить посреди ночи своими ужасающими песнопениями, – пробурчал Курт. – До утра потом разные ужасы снились.

– Ну, вот еще! – рассмеялся посох. – Не будить его! Что бы ты тогда сообщил мне спросонья, кроме самого факта своего включения в процесс всеобщего существования? А так ты имеешь роскошную возможность поворчать, заодно еще раз

сообщив мне о том, до какой именно степени тебя ужасает тембр моего голоса.

– Да уж... – усмехнулся Курт. – Голосок у тебя – это нечто. Сам выбирал, или помогал кто?

– Я тут не при чем, – хихикнул посох. – В таких случаях принято все валить на богов, потому как у них шеи крепкие, но я не думаю, что это их проделки. Скорей тут замешан некий загадочный закон, который возник, как мне кажется, задолго до богов и причинил этим беднягам неприятностей не меньше, чем нам, если не больше.

– Какой-такой закон?

– Я называю его законом Всеобщей Пакостности Мироздания, – поведал посох. – В моем случае он выражается вот в чем: если уж ты поешь так, что твой язык покидает Мир в котором, ты существуешь, то согласно вышеобозначенному закону он непременно попадает именно в тот Мир, где от тембра твоего голоса у всех без исключения жителей начинается, в лучшем случае, головная боль. А то и чего похуже.

Наверняка и у Курта были свои счеты с упомянутым законом. Он даже рот открыл, чтобы высказать их, но не успел.

– Ну, вы тут пока посидите, а я пройдусь, – неожиданно вмешался отшельник. – Что-то мне птичьи голоса тревожны. Не иначе, снова враг в горах объявился.

Отшельник поднялся и вышел. За спиной у него покачивался меч в старых потертых ножнах.

– Кстати, ты не одинок в своем отвращении, – как ни в чем

не бывало продолжил посох. — Всем моим хозяевам тоже не нравился мой голос, разве что Артаду Суйгену, но он и на самом деле был сумасшедший, так что он не в счет. Поэтому у меня всегда был весомый аргумент в спорах со своими хозяевами: «Делай что я говорю — а то как спою!»

— И что — действовало? — поинтересовался Курт.

— Иногда, — усмехнулся посох.

— Но все же не слишком часто? — с надеждой спросил Курт.

«А что если он и меня так?»

— Чаще, чем ты думаешь, — уверил посох.

— Какой кошмар! — простонал Курт. — Лучше я засну обратно. Может, повезет проснуться в каком-нибудь другом, более ласковом мире.

— Даже не думай! — строго и чуть напуганно сказал посох. — Самое большое — через полчаса нам с тобой будет очень нехорошо. К тому моменту ты должен быть основательно проснувшимся, если хочешь выжить.

— А что случилось? — испугался Курт.

— Я думал, ты понял... — вздохнул посох. — Что вчера было, помнишь?

— Вчера много чего было, — Курт догадывался о том, что ему предстоит услышать, но до последнего мгновения надеялся, что произойдет какое-то чудо, все волшебным образом отменится, и посох скажет ему что-нибудь другое — например, что их подвергнут мучительной казни.

– Помнишь, как ты хотел меня оставить? – спросил посох.

– Помню... – упавшим голосом промолвил Курт.

– Помнишь, что потом было? – продолжил посох.

– Да... – прошептал Курт.

– Ну... вот... – вздохнул посох. – Готовься...

– К... чему? – вытолкнул Курт.

– К повторению приступа.

– Ох...

– А ты чего думаешь – я зазря хозяина вчера так материл? Я его любил, между прочим. Если бы все ограничилось единственным приступом, если бы просто нам нельзя было расставаться, так я – что... Хвала богам, ты не самый омерзительный человек во вселенной!

– Это... оно – надолго?! Ну, то что с нами?! – запинаясь, выдавил Курт.

– Пока не станешь магом... – горько сказал посох. – А ты не станешь, так что...

– Навсегда! – с ужасом уточнил Курт. – И ничего не сделать. Ничего.

– Нам нужно добраться до Джанхара, – сказал посох. – В этом наш единственный шанс.

– Какой еще шанс? – отчаянно сказал Курт. – Ты же сам говоришь, мага из меня не выйдет, а потому...

– В Джанхаре ты ПЕРЕДАШЬ меня магу, – сказал посох. – Тебе помогут.

– Вообще-то мага можно найти и поближе! – воскликнул

Курт. – Я понимаю твоё желание вернуться в Джанхар, но...

– Ты ничего не понимаешь, – печально сказал посох. – Я, к твоему сведению, тоже не выношу боль. Особенно невыносимую. Пойми, ты не сможешь сам ПЕРЕДАТЬ меня магу. Нужен другой маг, который поможет тебе осуществить передачу. В Джанхаре такие маги есть, а здесь...

– А если найти сильного мага?! – взволновано проговорил

Курт. – Я имею в виду – очень сильного?!

– Каким бы сильным он ни был, он не сможет сделать сразу два дела, – сказал посох. – Он сможет либо ВЗЯТЬ, либо помочь ПЕРЕДАТЬ – разве что он попросту убьёт тебя. Но ведь тебе мало в этом проку, а я не хочу служить магу-убийце. До такой степени не хочу, что предпочитаю валяться рядом с тобой в приступе.

– Какой кошмар! – простонал Курт. – Ну за что мне все это?!

– Я мог бы спросить тебя о том же... – грустно усмехнулся посох.

– Это все ты со своим сумасшедшим хозяином, – мрачно промолвил Курт. – Зачем он это сделал?

– А зачем ты не маг? – парировал посох.

– Зачем я вообще вас встретил... – мрачно пробурчал Курт.

– А зачем полез, куда нормальные люди не лезят?

– Да, но я же...

– А почему не сбежал, когда понял куда угодил? – ехидно

продолжил посох. – Любой нормальный человек сбежал бы, а ты остался. Так что нечего тут жаловаться, раз остался, значит получай чего просил! И не переживай – выкарабкаемся.

– Эх... – только и сказал Курт. И даже махнул рукой.

– Какая жалость, что ты не маг, – фыркнул посох. – Мне с тобой забавно.

– Значит, все время, пока мы будем добираться до Джан-хара...

– Тебя будут мучить приступы, бедный мальчик... – сказал посох.

– Но, может, мы все же найдем парочку магов поближе? – с надеждой спросил Курт.

– Может быть, если ты захочешь передать меня боевому подразделению магов королевства Рон, – жестко сказал посох. – Вопрос в том, захочешь ли?

– Нет, – сказал Курт. – Я, наверно, дурак и трус, и я никакой не герой, не воин, да и вообще... но я не сволочь, честно... Это же будет предательством, а я... ты ведь не сделал мне ничего дурного, нет... Я – нет...

– Спорный вопрос – сделал я тебе дурное или нет... – медленно проговорил посох. – Ничего дурного я тебе не хотел – вот что будет правдой. Быть может, ты еще захочешь того, от чего сейчас отрекся. Не потому что ты сволочь, не потому что предатель, а просто потому, что очень больно...

– Зачем ты говоришь мне все это?! – потрясенно спросил Курт.

– Если ты захочешь этого, мы станем врагами. Нам может не представиться случая просто поболтать, и тогда мы уже вряд ли сможем друг другу верить, – ответил посох. – Поэтому я хочу, чтоб ты знал: я не виню тебя, что бы ни случилось. Не каждому под силу терпеть такое.

– Спасибо, – сказал Курт. – Я все же надеюсь, что у меня сил не меньше, чем у какого-то одеревеневшего языка. По крайней мере, я-то хотя бы вопить буду благозвучно – а вот тебя ожидают мучения, связанные с прослушиванием собственных воплей. Это так ужасно, что все остальное кажется мелочью...

– Тебя они тоже ожидают, мои вопли, – рассмеялся посох. – Или ты надеешься заткнуть уши?! Ну так не надейся! Когда я воплю на всю катушку, никакие затычки не...

Тут оно и случилось. Пространство растянулось безмолвно и страшно, все линии невероятно искривились, и Курт даже не сразу понял, что давно уже закрыл глаза, и то, что он созерцает сейчас – пространство его крика, густо прошитое прожилками боли.

Внутри боли можно жить. Можно построить дом. Каменный или из бревен, крепость или шалаш – кому что нравится. Внутри боли можно жить, привыкнуть, открыть глаза, перестать орать... это поначалу кажется, что все, но когда боль такая огромная, она как бы и не боль вовсе. Тело отказывается ее воспринимать – потому что если воспримет, тут же умрет, а телу умирать неохота. Поэтому оно не воспринима-

ет. И вот тогда внутри боли можно жить.

Когда великий воин и полководец Санга Аланда Линард вошел в пещеру, несколько веков служащую ему жилищем – Курт уже не кричал. Посох тоже.

– Пойдем, – сказал великий полководец. – Пора.

– Ага, – еле двигая губами, сказал Курт. – Вот сейчас умру и пойдем.

Боль закончилась так же неожиданно, как и началась.

– Жив? – спросил его отшельник.

– Жив... – прошептал Курт, и отшельник протянул ему чашку пряного горячего отвара.

– Подкрепись, – сказал он. – Нам действительно лучше здесь не задерживаться.

– Что-нибудь случилось? – встревожился Курт.

– Случилось, – кивнул отшельник. – В предгорьях враги.

– Враги, – вздохнул посох.

– Вы их видели?! – воскликнул Курт.

– Ты быстро восстанавливаешь силы, – одобрительно заметил отшельник. – Это хорошо. А врагов я не видел. Их видели птицы. Птицы считают, что нам лучше убраться отсюда. Думаю, на их мнение можно положиться.

– Они уже добрались до места сражения – ну, где мой хозяин погиб? – спросил посох.

– Нет еще, – сказал отшельник. – И они там не слишком много чего найдут. Я похоронил всех. И друзей, и врагов. В смерти все равны.

– Да, но само место... – пробормотал посох.

– Увы... – вздохнул отшельник. – Убрать за столь короткий срок место, где проходила битва – такое по силам разве что магу. Поэтому ведь я и призываю поторопиться. Это место скоро станет опасным.

– И в этом виноваты мы... – вздохнул Курт. – Втянули вас во все это безобразие...

– Я знал, что делал, когда убивал всю эту мразь, – возразил отшельник. – Плохой был бы из меня полководец, если бы я не подумал о последствиях.

– Да. Но ваша пещера...

– У меня не одна пещера, – усмехнулся отшельник. – За то время, что я здесь прожил, было бы странно не обзавестись дополнительным жилищем – просто так, на всякий случай.

– У них есть маг? – спросил посох.

– Думаю, да, – ответил отшельник. – Не могу ручаться, но... Вряд ли они полезли бы в эти горы запросто так, да еще и без мага.

– А вчерашние? – спросил Курт.

– Наемники, – поморщился отшельник.

– А эти? – спросил посох.

– Регулярный отряд.

– Маг все равно найдет нас по следам, – сообщил посох. – Если он у них есть, нам крышка.

– Найдет, – подтвердил отшельник. – Найдет, конечно, если жив останется.

– А что с ним может случиться? – удивился посох.

– В горах всякое бывает, – лукаво улыбнулся отшельник. – Оползни, камнепады, змеи ядовитые, пауки – мало ли... никогда заранее не знаешь.

– Хорошо бы... – вздохнул посох, словно отшельник предложил ему не способы избавиться от возможного врага, а какой-нибудь невероятно вкусный и давно желанный десерт.

– Тогда вперед! – воскликнул отшельник. – Поищем наиболее подходящий камнепад!

Курт даже представить себе не мог, что он на такое способен. Влезать вслед за отшельником по отвесным скалам, цепляясь пальцами за трещинки в камне, протискиваться в какие-то едва заметные щели, бодро шагать по краю пропасти – и ведь не одна такая пропасть, тут на каждом шагу по пропасти – перепрыгивать со скалы на скалу... а вниз-то лучше и не смотри, вниз, братцы мои, только самоубийцы смотрят, туда ведь если рухнуть, так пожалуй, падать замучаешься, умрешь от усталости раньше, чем до низу долетишь.

Посох Курт пристроил за спиной на манер того, как отшельник носил меч. Отшельник же ему и посоветовал, и помог пристроить, и вообще... Вот когда Курт понял, что значит – быть великим полководцем. Когда отшельник спас их от наемников, он был всего лишь воином; потом, в пещере – хозяином, приветливым и добродушным собеседником. Но теперь... теперь он вел их за собой, и одно присутствие

этого человека делало возможным все, что он скажет и прикажет. Курт ощущал себя, как будто во сне. Он шел рядом с божеством, и одно присутствие этого божества делало его способным на невероятное. Его тело словно бы само совершало вещи чудовищные и удивительные. Например, с легкостью хватало громадные камни и, бесстрашно балансируя на узком мостике, с обеих сторон обрывающемся в пропасть, таскало их к месту, где отшельник решил устроить первый камнепад. То, что такие камни мог таскать сам Санга Аланда Линард у Курта не вызывало удивления: легендарный герой, он и есть легендарный герой. Но сам-то Курт никакой не герой вовсе, а как он высоты боится – кто бы знал! Однако присутствие Линарда не оставляло места страхам и невозможностям, он вытеснил их собой, силой своей личности, они попадали кверху тормашками со скал, и Курт не слишком о них сожалел – уж хотя бы потому что ему вовсе не хотелось к ним присоединиться.

– Отлично! – сказал отшельник, когда четвертый каменный кулак замер, вознесенный в небо. Замер в ожидании жертвы.

– Ну, и как это все сработает? – устало поинтересовался посох. Его слегка укачало, в силу чего он находился не в самом приятном расположении духа.

– Сработает. Не сомневайся, – заверил его отшельник.

– Они идут тихо, – заметил посох.

– Достаточно того, что они идут, – поведал отшельник. –

На всех этих тропах я установил небольшие подарочки.

– Какие еще подарочки? – вздохнул посох.

– Магические ловушки, – пояснил отшельник. – Достаточно просто пересечь определенную линию, и камнепад обязательно обрушится на их головы.

– С ними маг, – напомнил посох. – Он учует.

– Боевой маг современной школы, – усмехнулся отшельник. – Те ловушки, что я установил – из моего времени. Из времени Оннерского Союза. О них позабыли даже те, кто готовил этого мага, а уж он-то о них точно не слышал. Так что не переживай, он их не учует.

– А если он сможет удержать камни? – не сдавался въедливый Мур.

– Так поэтому я Курта и мучил, – пояснил отшельник. – Чтоб не смог. Натащить камней, чтоб обыкновенных воинов засыпать – такое я и один могу. А вот чтоб на мага хватило, да еще и с гарантией – такое одному не под силу. Зато теперь с уверенностью скажу: ни один маг такой обвал не удержит. Штаны потеряет. А маг без штанов...

– А если они не пойдут этими тропами? – спросил посох.

– Пойдут. Любой охотник знает, что кроме ловушки нужна еще и приманка. Я также об этом не забыл. Их поджидает отменная приманка. Как раз для таких, как они.

– Приманка? – вяло удивился Курт. Сидя на обломке скалы, он продолжал прокручивать в памяти то, что с ним только что происходило, и гадать, на что из этого он смог бы ре-

шиться сам и многое ли он отважится повторить, случись такая нужда, если рядом не будет Линарда.

– Какая приманка? – спросил посох.

– Обыкновенная, – ответил отшельник. – Они ищут здесь что?

– Что... – эхом откликнулся Курт.

– Следы людей, следы сражения, пропавших товарищей, затаившихся врагов – вот что, – сказал отшельник. – Вот они выходят к развилке и видят вдали щит, пробитый стрелой. Они – что?..

– Идут туда, но не все, – сказал посох.

– Правильно, но дальше валяется кинжал, а потом сло-
манный меч, а потом еще стрела и, за поворотом, еще один щит. И все это – сувениры от наших безвременно ушедших наемничков. Ключут?

– Может быть, – проворчал посох. – Если маг ничего не учует.

– Учует – так учует, – фыркнул отшельник. – Моих троп им не отыскать. Тут им никакая магия не поможет. Для этого здесь пожить нужно, а другим путем до нас теперь не добраться. Только эти четыре тропы, с камнями... В любом случае, я собираюсь проводить вас на другую сторону гор. Поближе к Джанхару. Обвалы помешают им добраться до вас сегодня. Ночью они не найдут других путей, разве что летать выучатся, а завтра вас здесь уже не будет. Зато буду я.

Последнюю фразу он произнес так, что Курту стало зара-

нее жаль тех несчастных захватчиков, которые на свою голову доберутся до ожившей легенды Оннера.

– Время обеда, – сказал отшельник. – Идем.

– Но я думал, нам пора бежать, – сказал Курт.

– Я тоже думал, что вам пора, – сказал отшельник. – Но с твоей помощью мы так хорошо управились, что я, пожалуй, рискну накормить тебя обедом. И даже ужином. Грех это – отпускать голодным человека, столь много потрудившегося.

– Между делом этот трудяга вытряс из меня все мозги, – проворчал посох.

– А что, в языках тоже бывают мозги? – невинно поинтересовался Курт.

– Теперь уже не бывают, – сварливо ответил посох. – Можешь гордиться: ты – обладатель первого безмозглого посоха во вселенной.

– Да ладно тебе, – улыбнулся Курт – Моей безмозглой голове это вполне подходит.

Убежище, в которое привел их отшельник, напоминало приоткрытую пасть дракона. Вот словно зевнуло когда-то гигантское чудище, да так и застыло в этом зевке. Цепляясь за выступы, они поднялись по морщинистой щеке и залезли в самую пасть.

– Тут у меня боевой арсенал, – сказал отшельник. – А еще припасы, на случай дороги. Легкие, маленькие и сытные. То, что вам нужно.

Осторожно переставляя ноги, Курт подошел поближе к отшельнику. Ему было жутковато внутри этой такой всамделишной, такой настоящей пасти. Ему казалось, что громадные челюсти вот-вот с грохотом сомкнутся... дернувшись, исчезнет последняя кроха света – и даже боли не будет, той самой последней боли, которая приходит, чтобы успеть понять, что *все*, вот теперь – *все*, и больше ничего не будет. Со всем.

– Линард! – испуганно прошептал он и вздрогнул, потому что его шепот эхом разбежался по окаменевшим стенкам и скользнул куда-то в черную дыру, больше всего напоминавшую драконью глотку. "Боль просто не успеет."

– Что? – обернулся улыбающийся отшельник. У его ног уже дымил костерок, а неподалеку строилась грозная армия котелков и кастрюлек.

«Да нет, не может быть, мне это просто почудилось. Подумаешь, пещера странной формы»

– Линард, мне кажется... – Курт смутился от того, что ему предстояло сказать, но не сказать он не мог. Не сказать – значит продолжать мучиться подавленным ужасом. Страхи – это такие специальные бесполезные предметы, которые обладают загадочным свойством сохранять устойчивость и волю к продолжению существования даже после публичной декларации неверия в их наличие. Курту очень хотелось, чтобы кто-то посильней его самого разрушил его глупые страхи. Отшельник казался подходящей личностью.

– Линард, мне кажется, что это... ну... все вот это... – Курт обвел руками просторные своды пещеры. – Мне кажется, что все это... дракон... пасть дракона... не знаю, что на меня нашло... просто... я дурак, да?

– Да нет, почему? – усмехнулся отшельник. – Почему сразу – дурак? Обыкновенный маг. Только и всего.

– Ты хочешь сказать... – обмирая от невнятного и невыразимого ужаса, прошептал Курт. – Ты хочешь сказать... – его словно заклинило на этой фразе, продолжать он не мог, не хотел.

– Я хочу сказать, что невзирая на весьма авторитетные заявления твоего уважаемого посоха, ты все же маг и от этого никуда не деться...

– Это значит, что... – еще раз тупо повторил Курт.

– Ты абсолютно прав, малыш, – улыбнулся отшельник. – Это действительно дракон, просто он спит. А мы временно пользуемся его пастью, пока она ему не нужна.

– Он просто спит? – выдохнул Курт.

– Давно спит, – кивнул отшельник. – Я подумал, что это будет хорошее место для моего арсенала. Может, самое лучшее. И еда здесь не портится.

– Но... что, если он проснется, а... ты – здесь?! – пробормотал Курт.

– Драконам тоже нужно чем-то питаться, разве нет?! – рассмеялся отшельник. – Не бойся. Это случится не сегодня, и я постараюсь не оказаться внутри. Сейчас будем обедать.

– Кошмар, – только и сказал Курт. Но он не мог не признать, что ему полегчало. Как часто бывает, что смутная тень опасности, грозящая нам из-за поворота костлявым пальцем, на поверку оказывается вдесятеро больше чем сама опасность. «И этого-то щеночка мы принимали за тигра?» Ну, проснется когда-нибудь этот дракон, так не сегодня же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.